

Ольга Сарник

КАРЬЕРА ЮГЕНДА

роман

Ольга Сарник
Карьера Югенда

«Автор»

2017

Сарник О.

Карьера Югенда / О. Сарник — «Автор», 2017

Германия, Дрезден, июнь одна тысяча девятьсот сорок первого года. У жизнерадостного повесы и успешного мотогонщика Ганса Гравера на уме было одно - мотоцикл «BMW» Отто, да девчонки. Но под давлением Нильса – ротного пропагандиста, он был вынужден прервать свой только что начавшийся летний отпуск и отбыть в «короткий» военный поход в Россию. Ганс планировал вернуться к Рождеству. Однако его восточная экспедиция «слегка» затянулась. Поэтому в Дрезден вернулся - значительно позже и под другим именем - совсем другой человек...

© Сарник О., 2017

© Автор, 2017

Ольга Сарник
КАРЬЕРА ЮГЕНДА
роман
Посвящаю Лени Рифеншталь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Кажется, жизнь налаживается! На днях мы покинули этот опостылевший барак. Родители перебрались в просторную двухкомнатную квартиру в новом, тихом районе Дрездена. А я поселился отдельно, в маленькой, но уютной квартирке, почти в самом центре. Это потому, что я на хорошем счету в нашей военной части, и один офицер здорово мне помог. Я обслуживаю его автопарк, состоящий из одного мотоцикла и одного автомобиля. И живу, как падишах, по выражению моего отца.

Мы стоим длинной шеренгой на лесной опушке, испещрённой солнечными зайчиками, – на душистой, мягкой травке. Над нами раскинулся небесный шатёр цвета бирюзы. Я с наслаждением вдыхаю чарующий аромат нагретой солнцем травы. Закинув голову, смотрю прямо в

сердце небес. Я разглядываю небесную синь сквозь зелень крон, как сквозь зелёное стёклышко в детстве... Такая красота, аж дух захватывает! Меня зовут Ганс Гравер, мне двадцать три, и я абсолютно счастлив.

Мой отец Пауль Гравер был из крестьян. Пятнадцати лет отроду он покинул свою деревню и перебрался в город Дрезден. Он был крупным, основательным, домовитым, с большими руками. Его громовой голос повергал в ужас даже заводское начальство. Оно его ценило, даже побаивалось. Всё в его руках горело – колол ли он дрова, или ваял тончайшую деталь на заводе «Zeiss Ikon», где работал со дня его открытия. В его огромной ручище фарфоровая чайная чашка выглядела крошечной, как снежинка. Мама с большой заботой тут же наполняла её.

Мама – это сгусток, экстракт добра. Хотите знать, как выглядит доброта? Извольте. Невысокая, полноватая дама с высокой причёской. Чёткая линия тёмных бровей. Проницательные голубые глаза и синее бархатное платье с неизменным ослепительно-белым кружевным воротничком... Временами на ней появлялся ослепительно-белый крохотный фартучек. Как они оставались всегда белоснежными, осталось для меня загадкой.

Мама – редкая птица. Пасторская дочка. У её отца, лютеранского пастора, когда-то был приход в Дрездене. Я своего деда почти не помню, – он умер, когда мне было три года. Сейчас священникам не сладко. После войны народ церковным собраниям стал предпочитать митинги на площадях. Так однажды шепнула мама отцу. Я сам слышал. Ну и что? Что же в этом плохого? Да кому она нужна, вся эта сострадательная мораль? Она только мешает! Мы должны освободить Человечество от этой красной чумы. Если не мы, то – никто! А коммунист нам не товарищ. Они, красные, несут всему миру зло. Их цель – поработить всю Землю, и заставить нас жить так же ужасно, как живут они.

Мы обязаны защищать свою землю, свою Родину, как Бога. И сам Бог того требует. Никто же не хочет очередного Глейвице.

Германская армия несёт мир всему миру. И наш фюрер ведёт нас вперёд, к блистательным победам! Адольф Гитлер – глава большой и дружной семьи – Германии.

Он непогрешим. Это поняли все, даже самые глупые. А всех не обманешь. Да что там говорить, весь мир это уже понял! И Олимпийские игры в Берлине – лучшее тому доказательство. Все спортивные делегации мира салютовали нашему фюреру! Не говоря уже о всяких... политиках.

А вы видели когда-нибудь факельные шествия? Это грандиозное зрелище – когда тысячи факелов двигаются абсолютно синхронно! Ещё мне нравится «Вохеншау» – её крутят перед каждым кинофильмом. А клятва крови? *Всех* – не обманешь! Не может же ошибаться такая уйма народу! А вот одного дурака легко обмануть. Они, дураки, и сидят в трудовых лагерях. Трудятся на благо Германии. Ничего, впредь будут умнее. Труд сделает их свободными.

Но всё-таки больше всего на свете я люблю Отто. Отто – это мотоцикл «BMW», чёрный и блестящий, как майский жук. И жужжит так же ровно, низко. Идеальный звук. Идеальный мотоцикл. Мой мотоцикл. Стыдно признаться, – на самом деле я совершенно не разбираюсь во всей этой... политике. Не помню ни дат, ни имён, ни программ каких-то там. Но собрания посещаю исправно. Приходится... Иначе вылечу из части, и – прощай, Отто!

Я – элитный мотоциклист элитной армии. Служу в звании штабс-ефрейтора в мотоциклетном батальоне четырнадцатой танковой дивизии, дислоцированной под Дрезденом. И мне это чертовски нравится! Девушки любят парней в военной форме! Потому что военная форма – это блестящая карьера, хорошая зарплата и собственное жильё. Особенно благодарен я своему железному коню Отто – он значительно повышает мою рыночную стоимость среди женской половины Дрездена. Да, пожалуй, как раз половину я и знаю... В общем, мы с Отто неразлучны, и начальство закрывает на это глаза, – на пару мы успешно защищаем честь нашей дивизии на мотокроссах. Даже в Берлин несколько раз ездили. Мы с Отто неизменно впереди – и по скорости, и по меткости стрельбы. Но, к сожалению, не всегда первые! Нам мешает Длинный,

Дерингер... Он штатский, но вечно лезет соревноваться. Он посещал ту же мотошколу, что и я. И я бы хотел как можно реже созерцать его тощую спину!

А в апреле мы ездили в Югославию. Вернулись уже в мае. Тот военный поход оказался таким коротким, что я был немного даже разочарован. Хотя Югославия мне понравилась. Виды там роскошные, и балканская кухня – выше всяких похвал! Они там покусились немного, конечно, в Югославии, но самое досадное, что они сделали – взорвали мост прямо у нас под носом. Мост был метров двадцать длиной. Так что нам пришлось повозиться, пока мы переправились. А как заняли Белград? Анекдот, да и только!

Так что войн пускай боятся слабаки, но не мы солдаты лучшей армии мира!

Следовательно, не за горами – погоны унтер-офицера. А там и до офицерской должности рукой подать. Но главное – я могу безо всяких ограничений совершенствовать моего Отто. Добавлю ему ещё пару «лошадей». Займусь после смотра.

Так раздумывал я, пружиня новыми покрышками по корням древних вязов, пересекавших тропинки саксонского леса. Ласковый июньский ветерок принёс мне запах свежескошенного сена. И я благодарно вдохнул его полной грудью.

Германия, родина моя, как ты прекрасна! Прямо над моей головой, в вершинах вековых вязов ссорились какие-то птицы. А мы, взмокшие, накручивали по лесу круги на мотоциклах. На время. На меткость. Проверяющие наблюдали, – вроде бы довольны.

В кустах мы спрятали манекены в дурацких шапках с большими красными звёздами – большевиков. Сухо щёлкали выстрелы, и дурацкая шапка с шуршанием летела в кусты. Убит. Молодцом. Но нельзя же так газовать! Варвары!

Среди них – мой лучший (и единственный) друг Дитрих Бойль. Друг детства. Мы выросли вместе. Познакомились в «Юнгфольк», а потом перешли в «Гитлерюгенд», в подразделение мотористов. Мы самые первые, на зависть всех мальчишек, получили водительские удостоверения.

Мои родители богатыми никогда не были, а вот в семье Дитриха всегда водились денежки. Но это нисколько не мешало нашей дружбе. Время в «Юнгфольк» и «Гитлерюгенд» было, пожалуй, лучшим в моей жизни: именно там возникало накрепчайшее товарищество, не знавшее никаких классовых различий. Летом мы ходили в ночные походы, гоняли мяч на футбольном поле, занимались бегом, гимнастикой. Зимой бегали на лыжах, учились стрелять. Мы жили в настоящих казармах, мы устраивали танцевальные вечера. И постоянно участвовали в спортивных состязаниях.

В «Юнгфольк» и «Гитлерюгенд» всем выдавали форму, что было очень кстати для мальчишек вроде меня. Зимой мы носили одинаковые брюки и куртки, а летом – шорты и коричневые рубашки. Но только прошедший «пробу пимфа» имел право носить почти настоящий армейский нож, с гравировкой «Кровь и честь». Это было голубой мечтой... Пимф – рядовой член «Юнгфолька». «Проба пимфа» представляла собой десятикилометровую пробежку с пятикилограммовой выкладкой. Потом надо было рассказать биографию Гитлера, исполнить «Песню немцев» и песню Хорста Весселя. Песни-то я отбарабанил. Я бы и ночью их спел, разбуди меня – их крутили по радио круглосуточно. А на биографии фюрера я чуть не засыпался. Но обошлось...

И я гордо носил сбоку свой нож. Не каждому я позволял к нему касаться.

Кроме того, нас учили стрелять, окапываться, маскироваться, ориентироваться на местности, читать карты. Стрелять меня научил отец, задолго до того, – он был знатным охотником. У нас тут, в Саксонском лесу, все браконьеры¹. Так что у меня самого первого появился значок снайпера. Со временем у меня появилась целая куча других значков, уже не помню, каких именно.

До призыва в вермахт мы обязаны были полгода поработать на благо Германии. По повестке Имперской службы труда мы с Дитрихом поступили на работу в гараж нашей мото-

ризованной дивизии. Я там и остался. А Дитрих уехал в Женеву, учиться на доктора. Отец его послал.

Сегодня великий (по выражению самого Дитриха) день. Его представляют к очередному воинскому званию обер-ефрейтора мотоциклетной роты.

Да, Дитрих совсем свихнулся... А ведь начиналось так невинно. Теперь весь книгами обложился, книжный червь! Мотоцикл почти забросил. Читает! И все партийные собрания посещает, – абсолютно все! Слушает! А разговаривать с ним стало невозможно. Хотя Дитрих – дипломированный врач, шесть лет отучился в университете в Женеве. Защитил диплом, вернулся в Дрезден и поступил на работу в клинику своего отца. Поработал (он говорил – попрактиковал) месяца два, и был таков! Поступил на службу в мотоциклетную роту нашей танковой дивизии – ефрейтором. И резво поскакал вверх по служебной лестнице (хотя его отец так не считает).

А отец Дитриха – тот вообще пришёл в бешенство. И его можно понять. Был Дитрих человек – как человек. Дипломированный врач. Свободно говорит по-французски. Знает такие слова, о значении которых я даже не догадываюсь. Да что там! В музыке классической разбирается! Образованный. Его отец твёрдо намерен передать ему свою клинику. А Дитрих о генеральских погонах, видите ли, мечтает! Только и разговоров теперь, что о мощи германского оружия.

В отличие от меня, Дитрих был худым, бледным и болезненным. Девчонки никогда в его сторону даже не смотрели... А нынче девчонки любят парней в военной форме. Чем больше на твоей форме нашивок, тем больше у тебя девчонок. Вот почему Дитрих так рьяно взялся за военную карьеру. Я подтрунивал над ним, а он злился и краснел, как мак.

Но Дитрих всё же стал сам не свой. Клинику отца собрался отдать государству для борьбы с красными! Но его папаша нипочём не отдаст одну из лучших в Дрездене клиник государству, хоть бы и самой великой Германии. Он лечит чуть не самого фюрера. Так что старик Бойль, того и гляди, извернётся и придумает эдакое хитрое лекарство, чтобы жить вечно.

Гм, тогда ему придётся вечно лечить всех этих... политиков. А выгоды в этом нет никакой. Он их лечит, а они выгребают его закрома! На нужды партии. Это мне сам же Дитрих сообщил. Тогда чем они, спрашивается, лучше коммунистов? Заглох. Опять Гремберг, дубина! Погубит машину!

Гремберг, присев на корточки, беспомощно таращился в недра мотоцикла. Наконец сдался. Снял шлем, вытер рукавом красное, озабоченное лицо и беспомощно завертел головой. Я подъехал к нему и остановился. Это свечи. Не видит он, что ли? Гремберг – гонщик от Бога. И стреляет метко, – настоящий снайпер. Но в технике плохо разбирается, – это минус.

Мотоциклы, как подстреленная дичь, лежали в тени деревьев. Мы, воины, выстроились шеренгой, держа шлемы в руках. Перед строем появились наш командир взвода, и инспектор – румяный капитан. И Нильс тут как тут. Куда же без него! В каждой бочке затычка. По лицу капитана блуждала довольная улыбка. Он то и дело поворачивался к командиру взвода и что-то тихо ему говорил. Наконец командир взвода, откашлявшись, громогласно заявил:

– Приказом штурбаннфюрера за высокие показатели в боевой подготовке ефрейтору Дитриху Бойлю присвоено очередное воинское звание обер-ефрейтор. Бойль, выйти из строя!

Из строя, зардевшись, шагнул мятежный наследник медицинской империи. Всё-таки форма и впрямь его украшала. Скрывала худобу и добавляла стати. Печатая шаг, Дитрих подошёл к командиру взвода и принял из его рук вожаделенные погоны. Дитрих взял их левой рукой, потому что правую он радостно выбросил вверх:

– Хайль Гитлер!

– Вернуться в строй!

Новоиспечённый обер-ефрейтор, не помня себя от счастья, повиновался. Я же не смог удержаться от ехидной улыбки, но поспешно отвернулся, боясь быть уличённым в неуважении к солдату вермахта.

–В исходное положение марш!

Шеренга мигом распалась, и мотоциклисты в мгновение ока вскочили на своих железных меринов. А капитан между тем снова повернулся к командиру взвода нашей мотоциклетной роты:

–В целом я очень доволен подготовкой вашего взвода. Особенно на высоте работа технической службы. Однако уделите самое пристальное внимание огневой подготовке. И учтите – завтра явка на смотр без опозданий!

– Есть, – браво козырнул командир взвода.

В сущности, совсем ещё молодой. Сколько ему лет? Двадцать пять? Двадцать четыре?

О, нет! Тащится сюда. Чёртов Нильс. Простите, обер-фельдфебель Холстен, ротный пропагандист. Зовут его Хуго, но я прозвал его Нильсом – ростом он с мизинец, ей-Богу! Ну, хорошо, с сидящую собаку. Парни хохотали как сумасшедшие, когда узнали, почему Нильса зовут Нильсом. Но если Нильс узнает о моих словесных упражнениях, мне крышка. У пропагандистов нынче полномочия широкие. И расширяются день ото дня. Непонятно, чем это всё кончится. Дать власть такому человечку, как Нильс – всё равно что дать обезьяне заряженный автомат. Уж лучше быть учеником токаря на захудалом заводике по производству кастрюль, чем подчиняться такому, как Нильс.

Как мне стало известно, Нильс вбил себе в голову непременно отправить меня на восточный фронт, но сначала – в Деберитце, в учебку. Там учат пехотинцев. Пехотного генерала хочет из меня сделать, что ли? И на что я ему сдался? Идёт он к чёрту, сам пусть и едет! Мне и тут хорошо, в Дрездене! Отец мне рассказывал кое-что о Первой мировой, о России, так что... вон, есть кому воевать! Сами же говорят, что вернутся к Рождеству. Вот пусть они и ...вернутся.

Однажды Нильс вызвал меня в свой кабинет и сунул мне под нос открытку с видом прекрасного мраморного замка в окружении деревьев и статуй. Я в изумлении уставился на него. Сильно понизив голос, Нильс сообщил, что военные трофеи в русском Петергофе будут неслыханными. Он даёт слово офицера, что замок не хуже того станет моим. Я – феодал! Как я тогда не рассмеялся ему в лицо, сам удивляюсь. Не красовался бы сейчас на смотре, а загорал бы в трудовом лагере.

Но есть и правда в трескотне Нильса. Наша армия – действительно самая сильная в мире. А фюрер – единственный из политиков, кто выполнил всё, что обещал. Остановил инфляцию, истребил безработицу, построил дороги. И молниеносно вернул Германии украденную у неё воинскую мощь! Австрийцы – не дураки, сразу смекнули, кто тут главный. Судеты – наши. Всего за два дня. Польша – за восемнадцать, а Франция – за шесть недель! В Югославии я и сам бывал, за одиннадцать дней всё там было кончено. Для Югославии. Так что пусть теперь все знают, что с нами шутки плохи.

Зануда Нильс тащится сюда. И прихвостень его трусит рядом, жирный Бруно. Пойду-ка я восвояси, может, пронесёт. Не тут-то было! Противный высокий голос, как комариный писк, зажужжал под ухом:

–Гравер! Смирно!

Я неохотно повиновался, а чтобы не видеть Нильсову рожу, уставился на ленту с жёлтым кантом с надписью «Propagandakompanie», красовавшуюся у него на рукаве.

– Стоять смиренно, когда с тобой офицер разговаривает! Когда ты возьмёшься за ум, Гравер? С такими способностями давно бы уже обер-лейтенанта получил. А ты всё в ефрейторах ходишь, как дурак! На вот, возьми!

В его холёной лапке откуда ни возьмись появилась пачка машинописных листов. Опять какая-то инструкция. Скоро любовью будем заниматься по инструкции... Но проще взять. Заброшу её в тумбочку. На дно. Как-нибудь прочту. Как-нибудь потом...

Но Нильс, очевидно, прочёл на моём арийском челе эту идеологически преступную мысль, потому что пискляво приказал:

– Прочтёшь сегодня же! Завтра вечером расскажешь мне, что ты понял.

Я неохотно принял из его рук пачку бумаги. То есть инструкцию. Когда я в последний раз читал? В школе, перед экзаменом? Вряд ли... Неожиданно для самого себя я брякнул:

– Бесплатный билет до Москвы. Что ж, прочту.

– Давай, давай! – неожиданно воодушевился Нильс. – Гарантирую тебе прекрасные военные трофеи! Жить будешь – как сыр в масле, всё, что пожелаешь! Или ты пособник коммунистов, этих еврейских вшей на теле нашей цивилизации? Хочешь, чтобы липкие руки недочеловеков дотянулись и до Германии?

Поразительно, как быстро, безо всякой прелюдии он менял тон беседы.

– А как они дотянутся? Они же недочеловеки, – кротко заметил я. – Есть! – рявкнул я, спохватившись.

Язык мой – враг мой! Нильс стиснул зубы, на его лице появилось знакомое мне волчье выражение. Лучше ретироваться! Я отыскал глазами свой мотоцикл, торопливо козырнул любимым сослуживцам и стремительно, но, как мог, почтительно, удалился.

Спиной я ощущал, с какой ненавистью Нильс смотрел мне вслед. Удивительно, что он дыры не прожёт в моей куртке! Толстый Бруно наконец позволил себе кашлянуть. Он всегда желал угодить своему мелкокалиберному повелителю:

– Разрешите обратиться! Вернуть его? – молодецки козырнул толстяк.

– Пусть катится к чёрту. Я бы его...

Нильс не договорил и сплюнул в траву, прямо туда, где я только что стоял.

И мне плевать на эту обезьяну! У меня есть приятель в штабе, он сидит повыше этого Нильса. И Нильс об этом прекрасно знает. А с завтрашнего дня я в отпуске. Наконец-то! Так что пусть этот Нильс катится к чёрту, со своими инструкциями вместе. У меня есть дела поважнее.

Сегодня вечером в «Ватцке» намечается вечеринка по случаю очередного звания Дитриха.

Весь в волнительном предвкушении, я помчался прочь от этого проклятого Нильса и его постылых бумажонок, в пенные объятия вечернего Дрездена.

II

В июне одна тысяча девятьсот сорок первого года доктор Гёббельс уже был вторым в Германии человеком. Его секретарша, свежая блондинка, прекрасная, как сама молодость, розо-

вела и благоговела, стуча по клавишам пишущей машинки. Лишь изредка она почтительно поднимала глаза на него, всемогущего. Гёббельс был в ударе и вещал, как оракул.

...Он стал самым молодым рейхсминистром в правительстве Гитлера. Случилось это в одна тысяча девятьсот тридцать третьем году. Низенький человечек с огромными амбициями – Йозеф Гёббельс.

Гитлер мыслил масштабно. И политические, и архитектурные его решения – всё было чрезмерным, исполинским. Над сценой размером с небольшой аэродром реял невиданных размеров красный флаг со свастикой. Гигантские античные колонны сознательно превосходили размерами своих греческих предков. Крохотные люди в подножиях колонн намеревались наполнить собою весь мир.

Зал был забит до отказа почтеннейшей публикой – высший генералитет, сливки немецкой культуры – самые заслуженные артисты, и самые влиятельнейшие в деловых кругах персоны. Однако мест хватало всем, никто не толпился в проходах. Везде должен быть порядок!

На трибуну поднялся сам фюрер. И зал заревел овациями, забушевал, как океанская стихия. Но Гитлер терпеливо ждал. Дождавшись тишины, он торжественно провозгласил:

– Рейхсминистром народного просвещения и пропаганды назначается Йозеф Гёббельс. Самый молодой министр в наших рядах. Прошу поприветствовать.

Зал ответил аплодисментами, – впрочем, не столь бурными. Через огромную сцену к трибуне, как муравей, ковылял маленький человечек. Он выглядел таким нелепым, колченогим, что некоторые офицеры в партере не выдержали и засмеялись. Один из них – Гиндебург – наклонился к соседу и проговорил, давясь со смеху:

– Трубач тоже хочет выбиться в люди!

Сосед ухмыльнулся, но аплодировать не перестал.

Йозеф Гёббельс тем временем решительно поднялся на трибуну:

– Благодарю за поздравления. Министерство пропаганды не является административным учреждением; оно – дом для народа, его двери всегда будут открыты и там не будет понятия бюрократии. Мы не управляем, а работаем под контролем народа. Есть два вида революции. Можно поливать противника огнём из пулемётов до тех пор, пока он не признает превосходства пулемётчиков. Это самый простой путь. Но можно изменить нацию за счёт революции духа, – не уничтожить, а привлечь противника на свою сторону. Мы, национал-социалисты, пошли по второму пути и продолжим его. Привлечь весь народ на сторону государства – вот наша самая главная задача! Да здравствует победа! Да здравствует фюрер!

Зал бурно аплодировал.

...Гёббельс был в ударе. Он мерял шагами свой огромный, не по размеру, кабинет и вещал, как оракул.

– Слова имеют способность предубеждать. Слова и ярлыки, которыми мы пользуемся, формируют наш социальный мир. Они направляют наши мысли, наши чувства, наше воображение и тем самым влияют на наше поведение. При частом повторении и психологическом понимании людей вполне возможно доказать, что квадрат – это на самом деле круг. В конце концов, что такое квадрат и круг? Это всего лишь слова, а слова можно лепить до тех пор, пока они не облекут идеи в нужные нам личины.

Секретарша стрекотала, как пулемёт. Гёббельс великодушно ждал. Когда она подняла глаза, он продолжил:

– Образы, передаваемые информационными коммуникациями в наши дома, представляют для человека реальность. Вот в чём секрет пропаганды: те, на кого она направлена, должны быть полностью погружены в идеи этой самой пропаганды, не замечая при этом, что они ими поглощены. Картинки, формируемые в голове, есть вымыслы, и ими мы руководствуемся в своих мыслях и действиях. Они и обеспечивают нас «фактами» по затрагиваемым вопросам. Средства массовой коммуникации не могут длительно навязывать людям, что

думать, но они добиваются потрясающих успехов, сообщая своим читателям, о чём думать... Мир может выглядеть по-разному для разных людей в зависимости от карты, нарисованной для них редактором газеты или издателем книг, которые они читают.

Машинка строчила бешено, как немецкие пулемёты. Гёббельс неторопливо поднялся и величаво, насколько позволила ему хромяя нога, зашагал по кабинету. Он сдержал своё слово – перетащил на свою сторону весь немецкий народ. Это ясно, как день!

– Эффективный способ убеждать массы состоит в создании и повторении грандиозной лжи. Например, «Европе угрожает еврейский заговор». Доказать лживость такого грандиозного обмана почти невозможно, – негромко, будто сам себе, проговорил Гёббельс.

Гёббельс остановился, как вкопанный, возле молоденькой секретарши.

– Судите сами. Сам факт отсутствия доказательств существования еврейского заговора свидетельствует о злокозненном уме евреев, – разгорячился Гёббельс. – Для правдоподобия ложь следует подкреплять мелкими, ничего не значащими, но правдивыми фактами. К примеру, некоторые евреи владеют банками. И Карл Маркс, основоположник коммунизма, был евреем.

Ведь большинство людей гораздо примитивнее, чем мы себе воображаем. Массы считают истиной ту информацию, которая наиболее им знакома. Вот почему пропаганда должна быть простой и без конца повторяющейся. Управляет общественным мнением тот, кто способен свести проблемы к простейшим выражениям и у кого хватит смелости постоянно повторять их в этой упрощенной форме, несмотря на возражения интеллектуалов. Притом пропаганда должна быть занимательной, необычной, красочной, перенасыщенной информацией. Но основные идеи должны повторяться с неумолимой настойчивостью, формируя нужную картину мира. Функция пропаганды заключается вовсе не во взвешивании правоты различных людей, а в выделении одной, нужной, правоты, в защиту которой эта пропаганда выступает. Задача пропаганды состоит в служении нашей собственной правоте. Как только наша пропаганда признает хотя бы слабый проблеск справедливости оппонента, неминуемо возникнут сомнения в нашей собственной правоте.

Гёббельс неторопливо подошёл к лакированному столику в углу, взял стакан и принялся придирчиво рассматривать его на свет. Убедившись в его кристальной прозрачности, он налил воды из графина, сделал хороший глоток. Затем подошёл к машинистке и внезапно накрыл своей миниатюрной лапкой её изящную ручку. Та вздрогнула. Гёббельс пользовался у служащих женской половины Рейхсканцелярии дурной славой.

Может, он просто даёт понять, что это записывать не надо? Секретарша страшно близко увидела его глаза и отпрянула.

– И правда, и ложь – как вода. Они есть повсюду, – вкрадчиво прошептал Гёббельс ей в самое ухо. – Главное – отфильтровать их. И дать выпить. Немедленно.

Он ловко поставил стакан с водой возле пишущей машинки и заключил секретаршу в объятия. Как удав.

III

А мы гордо вышагивали вдоль зеркальных, натёртых до блеска витрин, так знакомых нам с детства. Небесная синева капитулировала перед наступившей ночью. Зато резко выступил выведенный серебром серп полумесяца. Только на западе небо зеленело, как яблоко. Где зажглись фонари, там месяц исчез, зато уютно осветились пушистая травка на газонах, брусчатка мостовой и нарядная дрезденская публика.

Воздух был наполнен дурманящим ароматом сирени. Всё дышало счастьем, точнее, его предвкушением. А счастья, наверное, и не бывает... Ведь то, что мы принимаем за счастье, оказывается лишь его предвкушением.

Вон они, те кусты сирени, старые знакомые! М-да, много с ними связано... воспомина-ний. И приятных, и не очень.

Дитрих, никогда в жизни не заботившийся о своей внешности, не спускал глаз со своего отражения. Военная форма действительно ему очень шла. Поэтому переодеваться в штатское он наотрез отказался, и щеголял в новых погонах, как ребёнок.

По лицу Дитриха блуждала рассеянная улыбка, как у влюблённого дурачка. Удивительно, что мундир не лопнул по швам – так его владельца распирало от гордости! Дитрих украдкой бросил взгляд в витрину и наконец не выдержал:

– Так и до генерала рукой подать! Ты же поедешь с нами на восточный фронт?

Я напустил на себя унылый вид и проямлил:

– Я не могу... мне нельзя...

– Почему это? – вскинулся Дитрих.

– Мне немец один не велит, – проямлил я и украдкой взглянул на Дитриха.

– Какой ещё немец? – Дитрих аж остановился. И с подозрением меня оглядел. С головы до ног. – Что за тип?

– Не беспокойся, он чистокровный немец, – поспешно заверил я и с трудом подавил улыбку. – Брюнет...

– Да что ты мелешь? Кто он такой, чёрт его дерит?! – заорал Дитрих. Никогда он не был таким нервным...

– Завтра утром он будет ждать меня в части. Обещаю, я вас познакомлю!

Поздно! Дитрих уже завёлся. И затарахтел:

– Что за сукин сын не пускает тебя на войну? Покажи мне его! Твоё отечество зовётся Германией! Люби его превыше всего и больше делом, чем на словах! А ты даже на словах не любишь!

Да так назидательно! Чёртов Нильс! Испортил мне друга.

– Я делом и люблю. Слышал, что инспектор сегодня утром говорил?

Но Дитрих меня словно не слышал. Мне порой казалось, что собеседник ему больше не нужен. Ему достаточно слушателя. Покорного, молчаливого, согласного слушателя! И Дитрих продолжал ненавистным мне тоном лектора:

– Каждый твой соотечественник, даже самый бедный – это частица Германии. Люби его, как себя самого!

Я с готовностью распахнул объятия:

– Не представляешь, как я люблю тебя, дорогой соотечественник! Даже твоё богатство мне не помеха!

Я запрыгнул на Дитриха, стараясь свалить его с ног. Но он ловко увернулся, впрочем, не удержавшись от улыбки:

– Враги Германии – твои враги. Тот, кто бесчестит Германию, обесчестит тебя и твоих предков, – убеждённо продолжил он. – Направь кулак против него!

Он высоко вскинул крепко сжатый кулак. Я недоверчиво его оглядел:

– А кто меня бесчестит?

Он повернул ко мне своё тонкое, раскрасневшееся лицо. Глаза его сверкали бриллиантовым блеском, он буквально преобразился. Я отшатнулся от изумления.

– Красные черти убивают этнических немцев, тех, кого они не выслали! Они угрожают не только Германии, но и всей человеческой цивилизации! – с жаром заговорил Дитрих. – Посмотри: коммунистическая зараза стремительно распространяется по миру. Евреи стремятся поработить мир. И у них получается! – патетично просветил меня Дитрих. – Если мы их не остановим, их никто их не остановит! Ну как ты не понимаешь?!

Да, всё правильно. Я вспомнил нелепые красновзвёздные шапки. Красные... русские... но они так далеко, страшно далеко от Германии, – внезапно подумал я. Почему я должен оказаться

по ту сторону земного шара, зачем? На мгновение красные со своими коварными заговорами почудились мне выдумкой, плодом чьей-то больной фантазии. Опомившись, я произнёс:

– Понимаю, понимаю. И ты, я вижу, подкованный. Только учти – русский называет дорогой то место, где хочет проехать. Отец мне рассказывал. Хочешь застрять по уши в грязи – поезжай!

– Боишься?

– Да никого я не боюсь! – взорвался я. – Но не глядя Москве предпочту Дрезден!

– Дурак! Чуть-чуть постарайся – и мраморный замок получишь в собственность. В Петергофе. Я видел на открытках...

Я захохотал во всю глотку:

– Мраморный замок?! Такой большой, а верит в сказки!

На нас стали оглядываться. Бедный Дитрих покраснел как рак. Лет пятнадцать назад, на этом же месте он, слезая вон с того забора, оставил на нём добрую часть своих штанов. На глазах девчонки, которая ему очень нравилась. Всё-таки моего Дитриха никакой Нильс не испортит! Он продолжал бубнить уже по инерции:

– Мне Кубе говорил, наши офицеры уже подписали контракты... Департамент народного просвещения и пропаганды...

– Департамент чего?!

Меня уже порядком утомили эти разговоры. Я твёрдо решил остановить этот поток политинформации, щёлкнул Дитриха прямо под козырёк его высокой щеголеватой фуражки и приказал:

– Догоняй, балбес!

Как тигр, одним прыжком я взлетел на высокое крыльцо ярко освещённого ночного театра – кабаре. Взлся было за ручку входной двери, но остановился и глянул вниз. Дитрих, окончательно растеряв свою мундирную важность, скакал через ступеньку по высокой лестнице.

Смеясь и толкаясь, мы ввалились в огромный, но душный холл с античными колоннами. Швейцар на входе скорчил было кислую мину, но покосился на Дитриховы погоны и мигом принял любезный вид. Чудодейственные погоны, усмехнулся я про себя. Звёздные талеры.

Тёмный зал, показавшийся нам поначалу огромным, оказался уютным и даже гостеприимным: нам повезло найти свободный столик возле самой эстрады! Сцена была залита скользящими разноцветными огнями – красотки, встав полукругом, зажигательно исполняли канкан. Самая высокая и красивая из них, с волосами, собранными в «конский хвост», танцевала в центре, и, казалось, не спускала с меня глаз.

Бред. Оттуда, со сцены, залитой огнями, да ещё в таком тёмном зале, никого не разглядеть.

Гремела фанфарная музыка. Я огляделся. В зале было полно народу, спиртное лилось рекой. Сновали официанты в смокингах и белых перчатках, балансируя подносами.

В воздухе плавали клубы дыма и обрывки смеха. Пахло весельем и свежим перегаром. На столиках горели под стеклянными колпаками свечи.

Да мы оказались на самом шикарном месте! Вот что творят погоны! Определённо, есть от них толк... И мы не преминули этим воспользоваться. На столике перед нами, как грибы, выросли два высоких бокала с ледяным пивом. Отменное было пиво! Номер кабаре уже закончился, и на сцену, крадучись, вышел некто в лиловом шёлковом обличье. Фокусник.

И вдруг... вот тут я действительно удивился. У Дитриха – у того давно уже глаза вылезли на лоб, да там и заночевали.

Как из воздуха, соткалась за нашим столиком та самая красотка со сцены. Она не удосужилась снять свой сценический наряд – немислимый, сверкающий блёстками корсет и точно такие же шортики. Такие фокусы мне по вкусу! Про лилового на сцене я сразу позабыл.

Вблизи она оказалась ещё лучше: нежный овал лица, высокие скулы, прелестный вздёрнутый носик, пухлые губки, – о, Валькирия! Она молча забралась ко мне на колени и обвила руками мою шею. Я близко-близко увидел её глаза – большие, карие, прикрытые длинными изогнутыми ресницами и чуть подёрнутые поволокой.

Посетители тотчас начали оборачиваться, перешёптываться. Но нам было наплевать на них. Наконец она заговорила. И голос у неё оказался восхитительным, низким, чуть с хрипотцой:

– Привет... скучал?

И тёплая сухая ладонь скользнула по моей щеке.

– Такая валькирия никому не даст заскучать!

Я бесцеремонно притянул её к себе за плечи и впился губами в её губы. Она ничуть не сопротивлялась, напротив, ей всё это было по душе. Однако вечер удался... С трудом оторвавшись от её губ, я сделал хороший глоток пива. Спohватившись, обратился к ней:

– Шампанского?

– Пожалуй. За знакомство. Я Хельга.

– Буду звать тебя Валькирией. Ты моя Валькирия.

Хельга взяла со стола мой пустой бокал и задумчиво на меня сквозь него поглядела. Неожиданно вздохнула:

– Легко, должно быть, живётся таким красавчикам...

А я вспомнил о друге. Бедняга Дитрих, белый как мел, не спускал глаз с роскошной Хельги. Я кивнул в его сторону:

– Раздобудь подружку Дитриху. У него сегодня праздник. Нельзя, чтобы он заскучал!

– Найдётся, – заговорщически подмигнула Хельга. Отличная девчонка!

Подобно сверкающей фантастической рыбе, она соскользнула с меня. Небрежно, как мелочь на стол, бросила на ходу:

– Закажи свежей клубники к шампанскому.

Хельга мгновенно растворилась в душной ресторанной темноте. Дитрих ошеломлённо смотрел на меня. Очевидно, он не слышал ни слова из нашего разговора и давно потерял нить происходящего. На сцену тем временем вышла целая рота красоток, и я отвлёкся. Тут не до Дитриха.

Да разве дадут вам в центре Дрездена спокойно посидеть? Большой, казалось бы, город. Столица Саксонии и так далее... Как гром среди ясного неба, грянула Марта.

Мы выросли в одном дворе, и я знал её ещё совсем крохой. Она младше меня на три года. Да, пожалуй, на три. Во дворе её прозвали Железной Мартой за упрямый и жёсткий характер. Как давно это было... Я пригляделся к ней повнимательнее. Ба! Она, оказывается, превратилась в настоящую красавицу! Эффектная брюнетка. Хороший рост, всё при ней. Ого, да она не хуже Хельги! А может, и получше... Немного пьяна. Большие голубые глаза, как морская вода в стакане, такие же холодные и безразличные.

Марта действовала не менее решительно, чем Хельга. Она с потрясающей самоуверенностью утвердилась на стуле напротив меня и спросила, словно мы расстались вчера:

– Привет, Ганс! Ты один?

Дитриха она не замечала. Или не хотела замечать.

Не желаю давать ей фору. С какой стати? Пусть сражается на равных с Хельгой! Интересно, которая победит? Я выразительно кивнул на Дитриха:

– Признайся, где растут твои глаза?

Но Марта не обратила никакого внимания на мою колкость и прочно заняла позиции за нашим столиком. Откинувшись на спинку стула, она продемонстрировала своё глубокое декольте (вот хулиганка!), прикурила сигарету и вызывающе меня оглядела. Так крестьянин

на рынке осматривает лошадь. То есть коня. Что за!.. Наконец Марта снизошла до Дитриха. Сообщила ему успокаивающе, как медсестра:

– Сейчас подойдёт Лола.

Та рыжая? Ей палец в рот не клади. До Хельги и Марты, ей, конечно, далековато. Ноги коротковаты... Но дерзкая и умная. Модница, – ухоженная. И не курит. Определённо в ней что-то есть... То, чего не достаёт Хельге. Да и Марте. Что это? Не могу понять. То, что называется изюминкой. Я даже робел перед ней немного. Совсем чуть-чуть... Без внимания эта Лола точно не останется. Вслух я произнёс:

– Та рыжая? Прискорбный факт. И я терпеть не могу курящих дам.

Нагнувшись, я спокойно вынул сигарету из Мартиных губ и затушил её в пустой пепельнице. Марта от изумления раскрыла свой красный, как вишня, ротик. Она явно не привыкла к такому обхождению. Здесь играют по моим правилам, голубушка. Невозмутимо потягивая пиво, я уставился на сцену, глядя мимо неё.

Всё, началось. Битва при Ватерлоо. Бинобль мне, швейцар!

Вернулась Хельга в сопровождении высокой стройной, но блёклой девицы. Обе уселись за наш столик, не обратив на Марту никакого внимания.

– Милый, вот и мы! Что за синяя курица? – спокойно спросила Хельга. – Это блюдо с шампанским не сочетается! Не припомню, чтобы я заказывала дичь!

Блёклая одобрительно засмеялась, но на лице Марты не дрогнул ни один мускул. Она не удостоила взглядом ни Хельгу, ни блёклую. Подошёл официант с подносом. Не спеша, в предвкушении поединка, принялся расставлять на столе посуду. Мысленно он делал ставку.

– Маркус, дорогуша, принеси ещё один бокал под шампанское! – фамильярно обратилась Хельга к официанту.

– Верно, для Лолы, – как будто мирно заметила Марта.

– Меня Бертой зовут! – возмутилась блёклая.

Тогда Марта пошла ва-банк. Она поднялась со стула и подбоченилась. Она стала высокой! Дорогуша Маркус принял стойку, как хорошая охотничья собака. Его глаза заискрились.

– Я его жена! – возвысила голос Марта. – И мне плевать, как тебя зовут! Убирайтесь вон, шлюхи, не то позову полицию!

Сильное контральто Марты перекрыло оркестровые фанфары.

Теперь с моралью строго. На наш столик снова стали оборачиваться. Хельга и Берта пришли в полное замешательство и обе, как по команде, уставились на меня. Что ж, проигрывает тот, у кого первого сдают нервы. Отдам пальму первенства Марте.

– Жена – так жена, – раскинул я руки в объятиях. – Ступай сюда, жёнушка!

Повернувшись к звёздам кабаре, я как можно учтивей произнёс:

– Девочки, вы у меня как раз следующие по списку!

– Чёртов идиот! – звонко крикнула Хельга. Она замахнулась, намереваясь отвесить мне оплеуху, но, наткнувшись на мой взгляд, съёжилась и опустила руку.

– Попадись мне ещё... Урод! – процедила она с ненавистью. Поразительно, как быстро меняется у женщин настроение!

– А всего пять минут назад я был красавчиком, – скорбно заметил я.

Лицо блёклой так забавно вытянулось, что я расхохотался.

Марта тем временем проворно пересела на тот стул, что ближе ко мне.

Хельга, уходя, в бешенстве пнула освободившийся стул, и он с треском великим полетел прямо на сцену, в танцовщиц. Те завизжали.

Хельга и Берта наконец ушли. Марта забралась ко мне на колени, обвила руками мою шею и нежно меня поцеловала – будто и впрямь жена мне!

Приплёлся унылый официант. Не на ту поставил. Он поставил на стол второй бокал для шампанского и бесшумно, как тень, удалился. Марта оторвалась от моих губ и, едва переведя дыхание, с улыбкой заметила:

– А вот и Лола!

За нашим столиком действительно воплотилась огненно-рыжая Лола, одноклассница Марты. Тонкая талия, мячики под кофточкой, шикарная стрижка и умелый, незаметный макияж. Лола критически оглядела нас с Дитрихом. А мы, в свою очередь, ошеломлённо уставились на неё. Марта едва заметно занервничала, заёрзала.

Лола вызывала фурор одним своим появлением. Но почему-то всегда была одна. Загадка. Лола брезгливо, одним пальчиком, отодвинула пепельницу с единственным окурком подальше от себя и негромко, но отчётливо произнесла:

– Добрый вечер. Во всяком случае, хотелось бы в это верить.

Мгновенно оценив обстановку, Лола деловито повернулась к Дитриху, застывшему с бокалом в руках:

– Чего ты замер? Разливай шампанское. Что за вселенский праздник сегодня?

Дитрих возбуждённо схватился за бутылку, как за пистолет, и радостно затараторил, как мальчишка:

– У меня, у меня праздник! Я теперь обер-ефрейтор! А скоро мы поедem в Россию, в военный поход! Мы с победой вернёмся к Рождеству! Вы только ждите нас!

Этот недотёпа так тряс бутылкой, что едва не окатил шампанским всех нас. Лола слегка отстранилась.

– Без патетики, не разлей вино! А кто у вас там следующий, за обер-ефрейтором?

IV

...Что было дальше, мне помнится с трудом.

Я очнулся в своей квартире, в своей постели. Уже неплохо. Один? Кажется, один. Голова раскалывалась (мне живо представился грецкий орех, беспощадно расколотый молотком). Во рту пересохло. Я заворочался на постели. Тогда из-под одеяла выглянула Марта, чарующе улыбнулась и протянула:

– Доброе утро, милый!

Поражённый, несколько мгновений я тупо смотрел на неё, словно не узнавая. Затем осторожно выбрался из постели, подошёл к столу, со стуком налил из графина воду в стакан и жадно, одним глотком, осушил. Марта, лёжа в постели, с нежностью за мной наблюдала. Я и не знал, что она бывает... такой. Растерявшись окончательно, я налил ещё воды и ответил:

– Привет.

Марта, как кошка, потянулась в моей постели и промурлыкала:

– Милый, я тут подумала... Конечно, я не сильна в географии, но уверена, что наши родители предпочтут Дрезден. Ведь этот Петергоф у чёрта на куличках!

У меня вырвалось:

– Петергоф?!

Что она несёт?! Марта ужаснулась в ответ:

– Ты забыл?! На Рождество в Петергофе состоится наша свадьба, в твоём замке. Вчера ты велел мне готовиться. Дитрих и Лола уже приглашены.

Я заметно вздрогнул, предательски расплескав воду. Допился! Взяв себя в руки, я поставил стакан на стол твёрдою рукою.

– Свадьба... У вас, женщин, одно на уме.

Марта встала с постели, эффектно откинула волосы с высокого лба и принялась неторопливо одеваться.

– Почему нет? Не вижу никаких препятствий, – невнятно парировала она, ибо держала губами шпильки. – И перед замком обязательно будет пруд с лебедями. Я их обожаю!

Она их обожает! Прекрасно! Тем временем за дверью отчётливо застучали женские каблочки. Этого ещё не хватало! Неумолимо зазвенел звонок. Предатель. Мог бы сломаться хоть раз в жизни! Мы притихли, как нашкодившие дети.

Я знаю, кто это. Она же обещала зайти, да я позабыл. Это Магда – девушка, в которой мои родители видят будущую сноху. Магда прелестна. У неё золотые волосы, небесно-голубые глаза и точёная фигурка. Она – активистка «Союза немецких девушек», в отличие от Марты – бездельницы. Одним словом, я даже не пытался... Потому что Магда – образцовая немецкая жена. И по форме, и по содержанию.

Марта вскинула на меня глаза, полные ярости. Точно, дикая кошка... Что мне оставалось делать? Я склонился к ней и горячо зашептал прямо в ушко:

– Это моя мать. Она жутко старомодна. Если не хочешь сорвать нашу свадьбу, беги скорее через чёрный ход.

Но Марта продолжала молча смотреть на меня, не двигаясь с места. Не верит! Не сдавайся, Ганс!

– Давай, давай, шевелись! – страстно шептал я, как молитву. – Она старинных правил. Нипочём не даст нам благословения. Там чёрный ход. Беги, Марта, беги! Не то не видать нам свадьбы, как своих ушей! Ни в Петергофе, ни в Дрездене! Нигде!

Во время этой тирады я ненавязчиво подвёл Марту к низенькой деревянной двери чёрного хода. Он вёл прямо на пожарную лестницу. Поспешно натянув через голову платье, Марта схватила со стула сумочку, на ходу влезла в туфли и скрылась за низенькой волшебной дверкой. Боже, храни проектировщика!

Тихо чертыхаясь, одеваясь на ходу, я бросился в прихожую.

Вскоре мою тесную прихожую озарила прелестная Магда. Это вам не Марта! Надёжна, как «БМВ». Добродетельна, как Папа Римский. На меня снизу вверх с благоговением смотрели синие глаза, чистые и глубокие, как саксонские озёра. Я почувствовал лёгкое головокружение.

– Доброе утро, Ганс! Ты только проснулся? – зазвенел её хрустальный голосок. – Не знала, что ты такой лежебока! Твои родители просили передать, они ждут тебя сегодня на ужин к шести вечера. Я тоже приглашена. А это... это тебе.

Я осторожно взял с доверчиво протянутой ко мне ладошки маленький аккуратный свёрток. Развернув его, я обнаружил роскошное золотое шитьё на чёрном шёлке – края вышиты свастикой, а в центре гордо красовались имена: «Ганс Гравер + Магдалена Оффенбах».

Платок. Детский сад. Я небрежно свернул его и положил на стол, не забыв очаровательно, как мне кажется, улыбнуться.

– Спасибо, милая... – произнёс я светским тоном я. Не дом, а Бугингемский дворец. Сплошные приёмы с утра пораньше. – А по какому поводу такой подарок?

– Все настоящие мужчины едут в поход, спасать великую Германию и весь цивилизованный мир от большевиков, – без запинки звонко отчеканила Магда. – Этот платок означает, что я буду ждать тебя, сколько потребуется.

Ещё одна! А впрочем, плевать. Пусть. Я медленно приблизился к Магде и стал вплотную, прижав её спиной к дверям. Магда стояла передо мной, беспомощная, как овечка. Она с обожанием смотрела на меня, снизу вверх. Как опытный охотник, я, затаившись, ждал. В засаде. Магда, наконец, поднялась на цыпочки, быстро и неумело поцеловала меня в губы и опрометью выбежала. Моя нетронутая прелесть!

Я бросился было в постель, но не тут-то было! Снова раздалась трель звонка. Чертыхнувшись, я потащился к двери. Дитрих. Ему явно нездоровилось.

– Ты цел? – спросил Дитрих, сбрасывая куртку в прихожей, осенённой тонким ароматом женских духов.

– Относительно. Проходи. Ты, я вижу, не очень-то?

Дитрих устроился в кресле, а я бросился на постель. Дитрих не спускал с меня глаз. Таращился так, точно впервые видел.

– Чего ты уставился? – не выдержал я. – Розы на мне расцвели, что ли?

– Я рад за тебя, – искренне сообщил Дитрих.

– Что такое? – насторожился я.

– Забыл, что ли? – нетерпеливо заёрзал Дитрих. – Совсем скоро мы с тобой поедem на фронт! А к Рождеству всё будет готово!

– Ой, нет, поезжайте без меня! Голова буквально разламывается... – простонал я, в этот раз – безо всякого притворства.

– Лично я поеду воевать за великую Германию, – с презрением отчеканил Дитрих. И добавил укоризненно: – Нехорошо бросать друзей и Отчизну.

– Вот и оставайся.

– Ты же вчера обещал...

– Мало ли что я мог пообещать в пьяном виде! – живо возразил я и сел на постели. – Я вчера Марте пообещал жениться – вот эта штука пострашнее войны! Что теперь делать, не знаю. Ей-Богу, хоть на фронт поезжай!

Дитрих заметно оживился. Аж подскочил с кресла. И едва не пустился в пляс.

– Поехали, поехали! – воодушевлённо закричал он, и его радостный голос гулко отдавался в моей бедной голове, как в металлической бочке. – Мне там без тебя будет скучно!

– Русские развлекают! – жестоко парировал я.

Я нетвёрдо подошёл к столу, налил воды, снова проглотил целый стакан одним глотком. Как будто полегчало... я упал на постель и почти уснул. Принимать вертикальное положение моё тело сегодня решительно отказывалось.

– Ты их боишься, – разочарованно протянул Дитрих и завозился в кресле. Оно жалобно заскрипело. – Вот уж от кого не ожидал, так это от тебя. Как тебе не стыдно!

– Да никого я не боюсь! – взорвался я. – Вы все свихнулись, что ли? Одна мне с утра дарит какой-то многозначительный платочек, другой заставляет воевать с теми, кого сам считает недочеловеками. Раз они недочеловеки, значит, сразу сдадутся. Без боя. Как датчане. Датчане-то нормальные, или тоже «недо»?

Дитрих сделал в мою сторону протестующий жест. Тихо и внушительно он произнёс:

– Ты же понимаешь, что за такие разговоры можно... – и тут же осёкся. Я приподнялся на локте и веско спросил:

– А как они узнают?

Дитрих тяжело вздохнул, поняв, что и этот диалектический спор, как он сам изволил выражаться, им проигран. Дитрих поднялся и скорбно оглядел на меня. Так доктор на утреннем обходе смотрит на безнадежного больного.

– Ты хоть при других-то не болтай таких глупостей. Вообще-то я зашёл тебя предупредить. Двадцать первого в шесть утра отходит наш поезд. Ты проводишь меня?

Я лежал на постели, закинув руки за голову, и невозмутимо разглядывал этого феодала, будущего обладателя мраморного замка.

– Разве что взглядом, – хладнокровно ответил я. – Я буду жарить рождественского гуся к твоему приезду.

Неожиданно глаза Дитриха странно заблестели и увлажнились. Вот тогда я вправду перепугался, соскочил с постели и обнял его.

– Конечно же, я приду! – закричал я возмущённо. – Хоть я и в отпуске.

Дитрих двинулся к выходу. Уже в дверях он обернулся и снова скорбно посмотрел на меня. Я ждал каких-то тёплых слов, но услышал безнадежное:

– Ты хоть инструкцию прочитай.

Я по-молодецки отдал ему честь и гаркнул что есть мочи, на манер прусского солдата:

– Слушаюсь, ваше благородие!!!

Дитрих вздрогнул. Родная беспомощная улыбка озарила его лицо. И тут же погасла. Малыш снова что-то вспомнил.

– Дубина! – Дитрих с размаху швырнул в меня моими брюками, подвернувшимися ему под руку. – Посмотри на часы! Какой ты разгильдяй, Ганс!

– На сегодня аудиенция окончена. Я не в силах... – начал было я.

– Что?! – возмущённо взвизгнул Дитрих. – Так ты соврал мне вчера?

Я окончательно перестал что-либо понимать.

– Соврал? – переспросил я. – О Господи!

Я вспомнил о брюнете, истинном немце, который не пускает меня на войну. Дитрих смотрел на меня так, что я не посмел признаться, что... Может, он забудет в дороге? Я с трудом поднялся и принялся одеваться. Почему я такое трепло?! Боже, уже почти восемь!

...В гараже войсковой части было, как всегда тихо, темно и уютно. Это мои владения. Рабочий инструмент поблёскивал, всё на своих местах. Красота!

– Где он? – Дитрих вертел головой, как птенец, силясь разглядеть хоть что-то во мраке гаража после щедрого июньского солнца.

В углу под брезентовым чехлом, смиренно, как конь на привязи, стоял Отто. Я подошёл к нему и торжественно сдёрнул чехол. Отто сдержанно засверкал в полумраке вороной сталью.

– Отто – это мотоцикл! – ловко копируя манеру фюрера, объявил я. – Он -чистокровный немец и настоящий аристократ! В нём нет ни единой грязной, не породистой гайки! Вот он – истинный ариец!

– Чёртов идиот! – заорал Дитрих. – Что ты вечно дурачишь меня, солдата вермахта?! Бездельник! Дубина!

– Склонность не к лицу солдату вермахта. Не горячись, детка, – с достоинством заметил я.

– Не называй меня так! – звонко крикнул Дитрих.

Я погладил Отто по прохладному металлическому боку и спокойно заметил:

– Не так уж и плох этот Версальский договор.

– Что? Что ты несёшь?! – изумился Дитрих, и тут же воровато оглянулся. – Замолчи! – прошипел он.

Но я знал, что в гараже никого, кроме нас, нет.

– Если бы не он, «Баварские моторы» не перешли бы с самолётов на мотоциклы.

– Ничего, мы и на мотоциклах покорим Европу, – неожиданно спокойно ответил Дитрих. Я-то знал, что он быстро успокоится. – А потом мы избавим весь цивилизованный мир от этой красной чумы. Всё по порядку. Сначала – Париж, потом – Москва. Ладно, я пошёл. Мне пора.

И Дитрих вышел, по-военному чётко печатая шаг.

VI

Родительская гостиная вся была залита уютным тёплым светом. Сотней фанфар гремел народный приёмник. Он висел на стене, на самом видном месте. Стоит всего тридцать пять марок – самый дешёвый в мире! Отгремел оркестр, и начались сводки с фронтов Верховного главного командования. Вот это всегда интересно послушать! Мы побеждаем, – везде и всех!

Аж дух захватывало, какая у нас армия, а техника какая! Воинская доблесть – немецкая национальная черта. И мы это доказываем. Всеми миру. Ежедневно!

Как солнце, светила нам лампа под огромным жёлтым абажуром. Она с умилением смотрела на тщательно сервированный стол, уставленный домашними яствами, умело приготовленными мамой.

Мы чинно расселись – родители, я и Магда. Я почти пришёл в себя после вчерашней попойки. Хотя немного подташнивало. Не то после вчерашнего, не то от разговоров про грядущий военный поход. Отец неторопливо разлил – нам шнапс, дамам – вино.

Радиоприёмник ужинал вместе с нами. Эффектные позывные предваряли долгожданную победоносную фронтовую сводку. Каждую сводку венчал бравурный военный марш. Но с особым трепетом мы ждали радиорепортажей с места событий – их передавали прямо с самолёта, с авианосца, из танка! Свист, вой, стрёкот – но всё под полным контролем наших солдат, и нашего фюрера! Немецкий лётчик может одной рукой вести воздушный бой, а другой – репортаж. Я и сам знаю, что это – правда!

Бывали даже прямые телерепортажи, непосредственно с места событий. Мы собирались дружно, человек по пятьдесят, с соседями, под открытым небом и видели своими глазами, как высоко мастерство наших воинов. Действительно, выше небес! Главное, это было чистой правдой, ничуть не преувеличено! Фронтовые сводки германского командования были надёжны, даже наши враги это признавали, скрипя зубами.

Мы отложили вилки и превратились в слух. Вся Германия в эти моменты превращалась в одно огромное ухо – шутка ли, семьдесят миллионов человек одновременно слушали радио!

Немецкие ВМС затопили английский авианосец «Арк Ройял»! Потоплен торпедой, сообщил бархатный голос после бравурно-фанфарного вступления.

– Теперь у англичашек на один авианосец меньше, – злорадно подытожил мой отец.

– Погодите! Я читала про этот «Арк Ройял»² сегодня в утренней газете. Его же потопили авиабомбой? – с удивлением переспросила Магда, распахнув свои огромные синие глаза.

– Какая разница – бомбой, торпедой! – нетерпеливо отмахнулся отец. – Утопили – и точка. Главное – Германия проснулась! Ура!

И, словно в подтверждение, загремел из репродуктора оркестр из ста фанфаристов. Это было великолепно. Все замерли в восхищении.

– Предлагаю тост: за скорую победу германского оружия, – очнувшись, радостно загрохотал отец. – И за скорейшее возвращение из победоносного похода наших доблестных воинов! Мы спасём мир от красной чумы! Если не мы – то никто! А отпускникам должно быть стыдно!

Отец выпил, крякнув, и укоризненно посмотрел на меня. Я сделал вид, что не заметил его красноречивого взгляда. Но отец впился в меня глазами:

– Сынок! Если не мы, то нас. Большевистскую заразу надо истреблять. Вся Европа в опасности! И будет же у нас когда-нибудь прибавление! Надо расширяться! Лично я – за!

Отец хитро подмигнул Магде, Магда смущённо улыбнулась, и её ушки слегка порозовели. Все выпили. Но я заметил, что мама сильно помрачнела и отставила свой бокал, едва пригубив.

– Ты покидаешь нас, сынок? – с тревогой спросила мама, не замечая буравящих глаз отца.

– Никуда я не еду! Я в отпуске. С чего ты взяла? – несколько нервно ответил я.

– Не сидеть же тебе вечно под юбкой матери! – загремел отец. – Давно бы стал боевым офицером, а ты всё мотоциклу гайки крутишь!

– Из-под юбки матери я давно вылез, – резко ответил я и бросил, скомкав, салфетку на стол. Мама со страхом на неё покосилась. – И без меня... хватает. Вон как воюют! Сами только что слышали.

Отец удивлённо вскинул на меня глаза. Не ожидал такой прыти. А я сразу же смягчился.

– Чего ты так волнуешься? – примирительно спросил я отца и ухмыльнулся. – Они же вернутся к Рождеству.

Как ни пытался я смягчить сказанное, отец помрачнел, как туча. Он был невероятно упрям! Да и Магда как-то вдруг притихла. Потом встрепелась, поднялась.

– Простите, мне пора, – прозвенел в нашей гостиной её хрустальный голосок.

– Как, Магда, ты не останешься на десерт? – всполошилась мама. Она так старалась!

– Заманчиво, фрау Гравер, ваша выпечка славится на весь Дрезден! Но бабушка совсем плоха. Я должна быть у неё сегодня не позже восьми, – твёрдо возразила Магда. – До свидания, благодарю вас за приятный вечер!

Хлопнула входная дверь. Родители тревожно переглянулись. Что ж, так даже лучше. Пусть катится к чёрту со своим чёрным платочком! Я с энтузиазмом налёг на салат. Божественно! Налил полный стакан смородинового морса, и с наслаждением выпил. Восхитительно! Женюсь только на той, которая докажет, что готовит не хуже моей матери. Совершенно не попад я брякнул:

– А Дитрих о замке мечтает. Идиот.

–Замолчи! – внезапно крикнул отец, и глаза его под лохматыми бровями гневно сверкнули, – совсем как у Нильса. – Он идёт воевать за великую Германию! Не смей оскорблять солдата вермахта!

Ну и дела! Я ошеломлённо смотрел на отца... и не узнавал его. Мама громко всхлипнула. Отец рассерженно стукнул кулаком по столу. Это привело меня в бешенство. Я вскочил, но отец уже неумело утешал маму. Ох, лучше бы он не пытался!

– Да что с тобой, Эрн? Перестань! – пророкотал он и постучал по маминому плечу. Так хлопают лошадь по крупу. – Дитрих, несомненно, вернётся к Рождеству! А этот оболтус, – кивнул на меня, – мог бы помочь! Глядишь, быстрее вернулись бы!

Я почувствовал себя побеждённым и нахмурился. Как будто кто-то поднял меня за плечи и толкнул к дверям.

– Пойду пройдуся, – бросил я через плечо уже в дверях.

– Крепкий тыл, тоже мне... – прошипел мне вслед отец.

Уходя, я слышал глухие мамины рыдания, но, сжав кулаки вышел. Давно ли отец стал таким?! Он не считал Германию побеждённой, потому что конец Первой мировой войны он встретил на чужой, русской, территории. Он рассказывал мне, какие огромные у русских земли. И бездорожье. Не самое удачное сочетание, если собираешься нападать.

VII

Тем солнечным утром понурый Дитрих бочком протиснулся в стерильно чистый кабинет Нильса. Тот сидел за сверкающим письменным столом и неторопливо листал какую-то папку. На первой странице красовалось моё крупное фото. Увидев её, наверняка я почувствовал бы себя свиньёй. В мясном отделе на рынке.

Увидев её, и Дитрих почувствовал себя свиньёй. Он тихо опустился на краешек стула. Он чувствовал, что поступает не по-товарищески. Или наоборот – по-товарищески? Ганс – заблудшая бестолковая душа, его надо как можно скорее спасти, вернуть в безопасное лоно НСДАП.

Но всё же разговор у них никак не клеился. Дитрих понимал, что с крючка Нильса ему не соскочить. Из мягких лапок Нильса никому не вырваться. И Дитрих беспомощно, словно в поисках защиты, оглянулся на плотно затворённую белую дверь.

– Не хочет он ехать. Ни в какую, – глухо проговорил Дитрих. – Поговорите с ним. Я сделал всё, что мог.

Нильс даже глаз не поднял от папки. Не глядя на Дитриха, он сделал величественный жест рукой – дескать, свободен. И Дитрих поспешно вышел.

Следом за ним в кабинет зашёл наш командир взвода. Нильс жестом пригласил его садиться. Командир взвода молча уселся и тут же – без разрешения – закурил. А Нильс, словно в продолжение некоего разговора, спросил:

– А какое происхождение у этого Гравера?

Командир взвода дымил так, точно в кабинете Нильса жгли целую вязанку хвороста.

– Почтище нашего, – флегматично отозвался командир, выпустил кольцо дыма и проводил его взглядом, как даму.

– Неужто сам Один был его предком?

– Практически.

Они разразились таким хохотом, что чуть не полопались оконные стёкла. Наконец Нильс смахнул слёзы, захлопнул папку и небрежно забросил её в верхний ящик стола.

– Ладно, – подытожил Нильс, – пусть пока остаётся тут. С вами пускай едет Лейбнехт. А Гравера ты получишь. Обещаю, он поедет следующим.

Командир взвода одобрительно кивнул.

VIII

Довелось и мне посетить тот кабинет, – буквально на следующий день. Удовольствие ниже среднего. Нильс точно так же сидел за своим сверкающим столом, просматривал какие-то бумаги. Распахнув дверь, я, как ветер, ворвался в его кабинет, и...

Однако обо всём по порядку.

...Следующим утром я, беспечно насвистывая, явился в гараж нашей части, чтобы проверить, как поживает мой Отто. Домой забирать его нельзя. Отто – военный мотоцикл, состоит на службе вермахта. Сунул ключ в замок гаражных ворот – не тот. Перепутал? Нет. В чём дело? Кто-то сменил замок?

Пока я раздумывал, из-под земли вырос Бруно и отгёр меня своей тушей.

Я только взглянул на него, а этого жирного воина уже отбросило назад шага на два. Ну и храбрец! Я обернулся. Вокруг – никого. Я глянул на Бруно; он испуганно жался к гаражным воротам, и в его глазах засветился ужас. Ну и вояка! Голос Бруно сорвался на визг:

– Отставить, Гравер! Охрана!

Тут же послышался топот сапог, будто табун лошадей бежит на выпас. Ясно, связываться бесполезно. Это проделки Нильса.

Так вот, ворвался я в кабинет этой обезьяны и довольно учтиво, как мне тогда показалось, спросил:

– Герр Хольстен, что это значит?! Почему меня не допускают в гараж? А скоро, между прочим, мотокросс!

Нильс гневно вскинул на меня свои пороссячи глазки, метнул молнии из-под белёсых ресниц:

– Не смей повышать голос на офицера! Не уставное обращение! Пошёл вон! Кругом!

Опешив, не двигаясь с места, во все глаза я глядел на него.

– Почему мне не выдают ключи от гаража? – тихо спросил я.

Нильс как будто смягчился, что само по себе подозрительно.

– Потому что вы в отпуске, и вам тут делать нечего. Отдыхайте, Гравер, и ни о чём не беспокойтесь. Наслаждайтесь вашим отпуском. А ваш мотоцикл забрал Гремберг. А он, в отличие от вас, не боится русских.

Моё сердце бешено заколотилось и оборвалось, повиснув на тоненькой ниточке. Обозвать меня трусом – чёрт с ним. Но отдать Отто этому дуболому?! Отто – Грембергу?! Отто

– на запчасти! Вот что это значит! Потому что эта скотина разорвёт его в клочки, тем более по бездорожью! Я медленно опустился на стул, физически ощутив душную волну отчаяния, накрывшую меня с головой.

– Я не разрешал вам садиться. Встать!

Я машинально поднялся на ватных ногах:

–Я согласен.

Нильс наслаждался победой. Ах ты, тыловая крыса!

– Он согласен. Скажите, пожалуйста! С чем же согласно ваше превосходительство?

– Согласен выйти из отпуска и принять участие в восточной кампании.

Нильс внимательно посмотрел на меня.

– Идите, к кому следует, мне-то вы зачем докладываете, – раздражённо буркнул Нильс.

И уткнулся в свои бумаги, всем видом давая понять, что мне тут больше делать нечего.

Совершенно разбитый, я покинул его кабинет. В коридоре я вынул из кармана ключ зажигания. Его контуры расплылись, а потом и вовсе исчезли.

Не хватало ещё разреветься, как девчонке! Позор!

IX

Прекрасное летнее утро раскинуло над фамильным садом семейства Дерингер летнюю, звенящую шмелями тишину. Тёплый стоячий воздух до краёв был наполнен свежим ароматом липового цвета и сладким дурманом кокеток-роз. Вязы замерли, как юнкера на смотре. Солнце с удовольствием смотрелось в зеркало пруда, на самой середине которого замерла пара чёрных лебедей. Потом солнце, немного подумав, нежно поцеловало в макушку белую ажурную беседку на краю пруда.

Лишь двое в той беседке возмущали аристократическое спокойствие сада.

Дерингеры – олигархическое семейство, по выражению начитанного Дитриха. Когда-то им принадлежала чуть ли не половина всех частных банков Германии. Герр Дерингер – финансовый магнат. Денежный мешок – в прямом смысле.

Аксель – его единственный сын. Денежный мешочек. Мой ровесник. Учился он, конечно, в закрытой школе, в одном классе с Дитрихом. Дитрих терпеть его не мог, считал пустоголовым надменным выскочкой и использовал любую возможность, чтобы насолить Длинному. Так прозвали Акселя Дерингера в школе за его высокий рост. Впрочем, Длинный был не робкого десятка, хотя с виду – лопух, ничего особенного. Худой, носатый и в очках. Его кличка пекочевала за ним в кружок, где мы все занимались. Это был очень популярный, известный всему Дрездену мотоклуб «Дойче Югенд». Но мы называли его просто «кружок».

У меня были свои претензии к Длинному, но другого толка. Длинный был единственным, кто портил мне кровь на арене. Не раз он лишил меня призового места. И не два. И меня бесила его аристократическая сдержанность. Я принимал её за высокомерие.

А ещё Длинный был по уши влюблён в Марту. Хотя почему «был»? Такое, верно, не лечится. Как туберкулёз. Да минует меня чаша сия!

А мамаша Марты – та едва не лишилась рассудка от радости, когда узнала, какой знатный жених сватается к её дочери. Зато родители Длинного были явно в восторге от Марты, хотя – интеллигенты! – не выказывали этого. Даже, кажется, назначили дату свадьбы. Хотя я в это не верю.

Сидя в фамильной беседке фамильного сада, Длинный в отчаянии хватал за руки Марту, которая его уже не слушала и порывалась уйти. Длинный, не на шутку расстроившись, силой втащил Марту обратно в беседку и умоляюще заглянул ей в глаза:

– Марта! Ты в своём уме?!

– Только боевые офицеры имеют право называться мужчинами, – холодно ответила Марта, безуспешно пытаясь ослабить цепкую влюблённую хватку.

– Тевтонские замки в Царском селе – басни для болванов! – в отчаянии крикнул Длинный. – Почитай историю войн! Русские не склонны раздавать свои земли всем желающим.

Но Марта презрительно скривила свои красивые губки:

– «Русские!» Да что тебе известно о «Ваффен СС», например? Им под силу завоевать весь мир! А ты говоришь о каких-то русских!

– Значит, замок? Прекрасно! – внезапно успокоился Длинный. – Ладно, замок будет. Только не в России, а в надёжной стране. Уедем в Швейцарию! Это мировая кубышка, и она застрахована от любых войн.

Марта бросила в Акселя ледяной, уничтожающий взгляд:

– Предлагаешь мне удрать в Швейцарию? Войны испугался, бедняжка? – Марта безуспешно пыталась высвободиться. – Наша армия – самая сильная в мире. Ты не смеешь этого отрицать!

И Длинный не выдержал. Даже аристократической сдержанности рано или поздно приходит конец. Он выпустил Марту из рук, как-то нелепо соскочил со скамейки и заявил тоном генерального директора:

–Всё, эта тема закрыта.

– Нет, эта тема не закрыта, – спокойно парировала Марта, и лицо её стало гранитным. – Я стану твоей женой, только когда ты вернёшься с победой. Точнее, если. Если ты осмелишься наконец выполнить свой долг!

Аксель снова попытался было схватить Марту за руки, но она выскользнула из беседки и побежала по посыпанной гравием дорожке к садовой калитке. Аксель рванулся было за ней, но стал, как вкопанный, уставившись ей вслед. В отчаянии и запоздало он крикнул:

–Я никому ничего не должен!

Х

Вильгельм Дерингер в своём кабинете, по сравнению с которым Нильсов кабинет – собачья конура, привычно щёлкал счётами. Сквозь большие роговые очки, из-под густых бровей печально и пронизательно смотрели усталые голубые глаза. Герр Дерингер всегда был щуплым, а тут и вовсе сгорбился, точно съёжился в своём кресле. Зато кожаное кресло, громадный письменный стол, золотые книжные переплёты в роскошных дубовых шкафах – всё выдавало в их обладателе человека более чем солидного. Но, даже погрузившись в пучину цифр, герр Дерингер ни на секунду не забывал, что никакие деньги не уберегут от войны его единственного дорогого мальчика.

Что в сухом остатке?

Герр Дерингер выбрался из кресла и прошёл к стене, слегка нажал на неё. Бесшумно отъехала дверца встроенного сейфа. Закрыв собою сейф, герр Дерингер зашелестел бумагами.

Громкий кашель заставил его вздрогнуть. Он нервно оглянулся. Аксель! Вечно крадётся, как кот! Аксель, стоя в дверях, играл крагами и ослепительно улыбался. И отец невольно вернул ему улыбку.

– Ты несносен, Аксель! Когда возьмёшься за ум?

А ведь он совсем уже взрослый. . . Не для того я растил единственного сына, чтобы сдать его на пушечное мясо. И не для того я учреждал фирму, чтобы её растащили вандалы – неожиданно для самого себя злобно подумал, всегда такой патриотичный, герр Дерингер. И твёрдо произнёс:

–Аксель, поезжай немедленно к дяде Клаусу. Я обо всём договорился, но твоё присутствие обязательно.

- К дяде Клаусу? Но зачем?
- Он даст тебе ... конверт. Привезёшь мне. Это срочно!
- До завтра полежит эта бумажка? У меня старт в «Дойче Югенд».
- Нет! Поезжай прямо сейчас! Завтра может быть ... поздно. Поторопись!

Аксель поспешно ретировался. Воровато оглянулся, по детской привычке, – не видит ли бонна? – он влез на перила и скатился с лестницы, прямым ходом за руль лакового чёрного «BMW». Такой только у нас и у Риббентропа, весело усмехнулся Аксель, вспомнив слова отца, и повернул ключ зажигания. Автомобиль послушно тронулся, зашуршав шинами по гравии. И тут же грянул щедрый тёплый дождь, будто кто-то там, наверху, включил душ. Пешеходы разбежались как тараканы в поисках укрытия.

...Пожалуй, теперь можно опустить стёкла. Как посвежело, как легко дышится!

Дождь на совесть омыл весь город. Зелень деревьев бриллиантами сверкала. Блестели лужами шоссе. Дамы складывали зонтики, тщательно стряхивая с них дождевые капли. Птицы весело зачирикали. А небо синело безмятежно, будто не оно только что окатило их всех, как из ведра. Фридрихштрассе, номер двадцать пять. Вот он, этот особняк. Верно, солидный. Но нуждается в ремонте. Мраморные ступени лестницы сильно стёрты. Что на часах? Без двух минут десять. Вовремя.

Взвизгнули тормоза, и Длинный очутился на тротуаре прямо перед крыльцом клиники доктора Бойля. Отец велел зайти – попробуй-ка, послушайся.

Аксель легко взбежал вверх по мраморной лестнице и скрылся за тяжёлой дубовой дверью. Он очутился в прохладном просторном холле и с любопытством огляделся. Всё так же – вдоль стен стояли низкие диванчики, какие-то пальмы в кадках – ухоженные. За стойкой администратор – бесцветная фигура неопределённого возраста, в строгом деловом костюме. Непроницаемые глаза спрятаны за стёклами очков. «Неопределённого пола», выразился бы отец.

- Доброе утро. Аксель Дерингер – к герру Бойлю. Мне назначено.
- Доброе утро, герр Дерингер – поприветствовал (или поприветствовала?) его администратор, равнодушно его оглядев.

Поприветствовала.

Она выскользнула из-за стойки и бесшумно заскользила впереди, слегка покачивая бёдрами. Хорошая фигура, но она ею не пользуется. Строгий серый костюм, недурно пошит, и туфли-лодочки, без каблуков. Как тапочки... Не люблю женщин в тапочках. Мне по душе те, что ходят на высоких каблуках. Вернее, одна из них. Она, единственная... Зачем отец так настаивал? Обделывали бы сами свои тёмные делишки!

Тем временем они добрались до массивной двери с золотой табличкой – «Доктор Клаус Бойль». Администратор исчезла за дверью, но через секунду появилась и торжественно объявила:

- Герр Дерингер! Герр Бойль готов вас принять.

Аксель исчез за дубовой дверью.

XI

Доктора Бойля, с убелённой сединой гривой волос представительного мужчину лет пятидесяти, с крупными благородными чертами лица, Аксель знал с детства. Герр Бойль, как Творец, восседал за письменным столом на фоне множества дипломов и сертификатов в рамках. Завидев Акселя, доктор Бойль радушно улыбнулся, продемонстрировав ряд великолепных крупных зубов (интересно, они настоящие? – задумался Аксель), поднялся из-за стола и двинулся навстречу Акселю. Они радушно потрясли друг другу руки.

– Здравствуйте, дядя Клаус! – Аксель, ослепительно улыбаясь, расположился в мягком удобном кресле.

– Здравствуй, дорогой! Как твои дела? Я слышал, ты женишься на Марте Дархау? – доктор Бойль радушным жестом пригласил Акселя садиться в удобное кресло для посетителей, а сам устроился напротив.

– Да. Правда, дата свадьбы ещё не назначена.

– Поздравляю! Значит, на фронт не собираешься? Нынче это так модно – воевать. Прямо какое-то поветрие.

– Нет, дядя Клаус, я не поклонник этой моды. Мои политические взгляды Вам известны.

– Да-а... – протянул доктор Бойль, рассеянно глядя в окно на разгоревшийся летний день. Мыслями он был далеко, на кроваво-красном востоке. – Скоро гром побед докатится и до нашего дома, – вдруг выпалил доктор Бойль. – Ты знаешь, Дитрих сегодня утром... объявил нам, что едет на фронт. В Россию! Как с цепи сорвался. В последнее время с ним невозможно иметь дело!

– Вчера забрали Марка. В трудовой лагерь, – Аксель, добрая душа, попытался отвлечь доктора от его боли. Неудачно.

– Его-то за что?! – вскинулся доктор Бойль.

– За то, что его отец – еврей.

– Но его мать – чистокровная немка! – горячо возразил доктор Бойль, так, будто от Акселя только и зависела судьба этого несчастного. – А сам он – один из лучших фармацевтов в городе. Не исключаю, что и в стране!

– Происхождение нынче важнее профессионализма.

– Кто же будет вас лечить? – тихо, сам себя спросил доктор Бойль. – Похоже, и мне придётся закрыть практику. Я гол как сокол... Куда мы катимся?!

– На восток, – неловко пошутил Аксель, и тут же густо покраснел. Вспомнил, дурачок, про Дитриха. – Простите...

Но доктор Бойль его уже не слышал. Он погрузился в какое-то странное оцепенение и сидел неподвижно, как изваяние. Аксель негромко кашлянул. Доктор Бойль, едва заметно вздрогнув, взял со стола запечатанный конверт и, немного поколебавшись, подал его Акселю.

– Аксель, твой отец говорил мне... Он просил... передай ему вот это. К сожалению, это всё, чем я могу помочь, – потупившись, вдруг забормотал скороговоркой доктор Бойль, всегда такой степенный. – Времена нынче беспокойные. Очень беспокойные.

Аксель кивнул и, не глядя, сунул конверт во внутренний карман пиджака. Доктор Бойль поднял глаза на чужого сына, который собирался уйти, чтобы остаться. В Дрездене. В безопасности, со своей семьёй.

– Не отчаивайтесь, дядя Клаус!

На доктора Бойля жалко было смотреть. Он нахохлился в кресле и бессильно уронил на стол крупные холёные руки. Аксель, желая подбодрить доктора Бойля, мягко заметил:

– Дядя Клаус, это ненадолго. Дитрих понюхает порошу и вернётся. Вот увидите!

– Будем надеяться, – встрепенулся доктор Бойль, и поднялся, чтобы проводить дорогого гостя. В то мгновение он до боли напомнил Акселю его собственного отца, с его паническим страхом потерять единственного сына. Для них обоих, почтенных отцов единственных сыновей, слово «война» звучало зловещим ударом кнута. Аксель порывисто обнял доктора Бойля, как своего собственного отца, обнять которого он не решился бы никогда. Несколько мгновений они стояли, обнявшись, став почти родными.

– Дядя Клаус, не унывайте! Всё образуется, вот увидите! Лучше побудьте с тётей Эльзой. Ей не легче вашего.

– Да, да, ты прав, – пробормотал доктор Бойль. – Поеду домой.

– До свидания, дядя Клаус. Передавайте привет тётё Эльзе! – с напускной весёлостью сказал Аксель уже в дверях.

Доктор Бойль опустил в кресло и горестно подпёр рукой щёку.

ХII

На другом краю Дрездена герр Дерингер, точно так же подперев рукой щёку, предавался грустным размышлениям. Всю жизнь он старался держать Акселя в чёрном теле, не баловать, чтобы он был в состоянии самостоятельно принимать решения. Теперь он, отец, с трудом сохраняет строгость. По мнению прислуги, даже лысина герра Дерингера теперь выражает печаль.

Что ж, придётся прибегнуть к средству, которое сам герр Дерингер ещё год назад с презрением бы отверг.

Его тягостные размышления прервал громкий хлопок дверью. На пороге кабинета вырос Аксель, в ярком гоночном комбинезоне и с крагами в руках. Он подлетел к отцовскому столу и протянул элегантный запечатанный конверт:

– Вот. Дядя Клаус просил тебе передать.

Вильгельм поспешно выхватил конверт из рук сына, нервно вскрыл его и жадно впился глазами в скупые строчки. Слегка ошеломлённый, Вильгельм откинулся на спинку кресла, снял очки, провёл рукой по лбу. Наконец он поднял глаза на сына.

– Что ж, мобилизация тебе не грозит. Впрочем, женитьба – тоже, – с расстановкой произнёс отец. – Вот это точно к лучшему, – небрежно откинулся на спинку Вильгельм.

– А что там такое?

Но отец, не слушая его, проворчал:

– Очень смешно! Клаус не мог ничего приличнее придумать?

– Он говорил про беспокойные времена, и что больше ничем помочь не может, – почуяв неладное, вспомнил Аксель.

Аксель взял из рук отца плотный лист бумаги, прочёл, и весь покрылся красными пятнами. Медицинская справка! Он с размаху швырнул сей драгоценный документ на отцовский стол:

– Слабоумие?! То есть я теперь официально идиот? Со справкой?! Ну уж нет! Я лучше поеду на фронт! Хоть кем!

– Что ты несёшь?! – выйдя из себя, крикнул отец. – Там и без тебя хватит ... народу. Спасибо и на том! Не лезть же тебе в это пекло!

– Кстати, Дитрих Бойль тоже едет на восточный фронт.

– Дитрих? Что значит «тоже»? А, да что в этом удивительного! Факелы дурно влияют на слабую психику. Стой! Куда ты?!

Но Аксель уже был в дверях. Решение им принято окончательно, он съездит на фронт.

– Марта засмеёт меня, если узнает, – с порога бросил Аксель.

– Никуда ты не поедешь! Подождёт твоя Марта. Офицера ей подавай! Вертихвостка!

Последнее слово он выкрикнул особенно патетично, но уже в пустоту, – резная дубовая дверь уже поглотила Акселя. Герр Дерингер посмотрел на неё, как на драгоценный сосуд, который только что разбился. Сегодня поработать не получится. А, пусть оно всё катится к чёрту!

ХIII

Вот она, залитая солнцем родная трасса, обрамлённая рядами деревянных скамеек. Народу полно, яблоку негде упасть. Мотоциклы, осёдланные мотоциклистами, нетерпеливо ревели, – прямо боевые кони в предвкушении похода! Собственно, так оно и было...

Итак, машина осмотрена. Последние наставления от тренера получены, и – началось! Динамики приятным женским голосом объявили начало старта гонок клуба «Дойче Югенд».

Я привычно занял своё место на старте и вдруг заметил в первом ряду Магду и Марту. Они сидели рядышком, но словно порознь, – на одной скамье. Магда была одета просто – белая блузка, чёрная юбка, удобная обувь. Она же будущая мать. Зато Марта была ослепительна, как английская принцесса на скачках. Она была чуда как хороша! Я чуть не упал с мотоцикла!

Взревели моторы, и машины рванулись вперёд, подняв клубы пыли. Всё смешалось, закрутилось, понеслось по кругу. Один, второй, третий... Остальных я обошёл без труда. А Длинный Дерингер всё маячил и маячил где-то впереди. Вот он, Длинный! Врёшь, не уйдёшь! Не пущу. На повороте я тебя... Из-за роста он вынужден был сильно наклоняться к рулю. У него шея затекает. Есть!!! Длинный вылетел на повороте. Я первый!!!

После церемония награждения я стоял, притаившись за трибуной, и терпеливо ждал. Каким же идиотом я тогда был! Без справки...

Зрители разошлись, скамьи опустели, но Марта и Магда упорно не покидали своих мест. Они сидели молча, словно не замечая друг друга. Явно кого-то ждали.

К Магде подбежала её младшая сестра – девочка с косичками, лет десяти, с нашивкой «Союз девочек». О чём-то умоляюще заговорила, потянула сестру за руку. Магда неохотно согласилась, ушла, то и дело оглядываясь.

Тогда-то я и вышел, небрежно поигрывая своим шлемом. Шлемом победителя.

– Вот те раз, а где Магда? – изобразил я искреннее удивление.

– Я её не сторожу, – презрительно бросила Марта, даже не взглянув на меня.

– А кого ты сторожишь? Акселя? Поздравляю с помолвкой!

– Не твоё дело, – сурово парировала Марта.

– Не моё, – согласился я и уселся рядом с ней, да так близко, чуть не на колени к ней забрался. – Привет передавай своему женишку. Извини, на свадьбу не приду! Пришлю открытку. Завтра уезжаю на восток.

Марта вскинула на меня глаза. Её высокая грудь порывисто поднималась и опускалась под тонкой тканью. Чертовски хороша!

– Ты? Ты... – Марта сникла. – Какой ты всё-таки мерзавец... Я... тебя жду.

Я порывисто поцеловал Марту в шею, и страстно зашептал, жадно вдохнул восхитительный аромат её кожи:

– Сегодня ровно в девять у тебя!

Уже через секунду мы с Отто с рёвом умчались прочь. А на Марту упала чья-то тень. Она подняла счастливые глаза. Взмыленный Аксель стал перед ней, как болонка, неловко держа перед собой роскошный букет белых ирисов. Её любимые цветы. У Акселя есть удивительная способность являться не вовремя. Не вовремя для себя.

– Марта, это тебе, – он робко протянул букет Марте. – Вчерашний завял... наверное?

– Наверное! – вдруг ласково отозвалась вечно суровая Марта. – Довези меня до дома. Вот и обновим.

Аксель засиял, как начищенный медный пятак. Мало надо для счастья влюблённому дураку! Прибежала запыхавшаяся Магда, в косынке, очаровательно сбившейся набок. Бедняжка не подозревала, каким камнем преткновения она является.

– Марта! Скажи... меня никто не искал?

Марта восседала на мотоцикле, как на троне. Свысока она окатила Магду таким ледяным взглядом, который, пожалуй, заморозил бы и июльский Рейн:

– Никто. Аксель, поехали!

XIV

В комнате Марты дурманяще пахло ирисами и было темно, хоть глаз выколи. Ставни были закрыты наглухо, но сквозь тонкие щёлки в них всё же пробивался лунный свет. Когда мои глаза привыкли к темноте, я различил очертания изящного туалетного столика, а в углу – смутный, огромный, как корабль, силуэт кровати. Сердце гулко застучало и сорвалось с цепи, как бешеный пёс.

Июньские ночи созданы для любви...

Длинные, тёмные её волосы разметались по подушке. Ресницы сомкнулись. Дыхание перехватило.

Мы растранижирили короткую июньскую ночь. Последнюю мирную ночь. Это очарование было разбито вдребезги, когда она спросила:

– Скажи мне, милый, какого чёрта эта дурочка вьётся возле тебя?

– Какая именно? Потрудись уточнить, вас много! – засыпая, отозвался я. Глаза слипались, а спать оставалось совсем недолго. В щели ставен уже заглядывал рассвет.

Но Марта ухватила меня за нос, да так чувствительно, что мне пришлось вскочить на постели и решительно её отстранить.

– Ты знаешь, о ком я, – требовательно сказала Марта. – Эта Магдалена Оффенбах... Кто она такая? Что у тебя с ней?

Попадись ей Магда в тот момент, ей бы несдобровать! Марта перегрызла бы ей горло. С рычанием, как овчарка... Я возмутился:

– Вы все сговорились, что ли? Женюсь я на ней! Придёшь на свадьбу? Подружкой жениха!

Я расхохотался, а Марта побелела от гнева. Лицо её приняло жестокое выражение, – оно стало словно высеченным из гранита.

Я бросил взгляд на часы – о, ужас! Почти шесть утра! Вскочив с постели, я первым делом схватил наручные часы, – вечно их забываю. Потом стал судорожно искать остальное. А Марта решительным, резким движением, словно из ножен, выхватила что-то из-под подушки и развернула прямо перед моим носом. Передо мной закачался знакомый чёрный шёлк с золотом. Теперь моя очередь белеть от гнева. Я грубо вырвал из её рук платок и процедил:

– Какого чёрта у тебя этот платок?

– Вот именно – какого чёрта у тебя этот платок?!

– Это подарок воину великого вермахта. Отдай!

Я наспех сложил платок и водворил его обратно в нагрудный карман рубашки. Марта наблюдала за мной, как кот за мышью.

– Ты хочешь сказать, *она* будет тебя ждать?

– Меня всегда кто-нибудь ждёт, – невозмутимо ответил я. – Можешь и ты вышить мне платочек. У тебя, Золушка, мало времени! – я постучал по циферблату наручных часов. – Едем строго на восток!

Я ринулся к дверям, а на ходу добавил:

– И не забудь посадить семь розовых кустов!

Но Марта не оценила мои юмористические способности. Она бесцеремонно перегородила мне дорогу и требовательно, будто мы женаты лет сто, спросила:

– Так ты вернёшься ко мне?

От неожиданности я выдал глупейший ответ:

– На Рождество в России у меня полно дел.

– Прекрати паясничать! – возмутилась Марта.

– Я вернусь, принцесса, честное слово, – нежно заговорил я и тронул её круглый подбородок. – Ну же, будь умницей. У меня сегодня куча дел. А я, заметь, с тобой!

Вроде бы поверила. Сволочь ты, Гравер. Однако она меня не пускает! А Марту я знаю с детства. Недаром она Железная. Я взял её лицо в ладони и долго-долго, нежно-нежно целовал.

С трудом оторвавшись, я побежал к дверям. В спину мне, как булыжники, летели её тяжёлые всхлипывания.

...Всё-таки жизнь – несправедливая штука. Прекрасно это знаешь, так чего же жалуешься?

Вот взять, к примеру, Акселя. Чем он так уж хорош, этот очкастый высокомерный интеллигент? Всё ему дано даром, по праву рождения. Безоблачная жизнь у таких, как он, расписана задолго до их появления на свет. А такие, как я, вынуждены сами с малых лет выцарапывать свой чёрствый хлеб со всяких помоек. Будь на то моя воля, не работал бы я в военной части. Вдобавок мне приходится ехать на фронт. И тут ничего не поделаешь. Такова жизнь.

А Длинный не поедет. Отсидится в своём роскошном особняке, дожждётся конца войны и явится на всё готовенькое, как всегда. Всё у них оплачено вперёд... И на Марте он женится, будьте покойны, хоть и тошнит её от него, это же слепому видно! Деньги – они своё дело знают. А впрочем, мне плевать.

Если бы не Отто, я бы отвертелся. А если были бы у меня деньжищи, как у старика Дерингера, я бы запустил своё производство мотоциклов. И добился бы идеала, создал бы лучший в мире мотоцикл. И устраивал бы мотокроссы.

Так думал я, мчась по узким дрезденским улочкам. Проезжая мимо массивной кованой ограды знакомого особняка, я притормозил. Удачно разлёгся, возле самой ограды. Говорят, он пишет стихи. Длинный Байрон! Вот он, полюбуйтесь, качается в гамаке в фамильном саду! Поддам-ка я газку!

Страшно напылив, я взорвал чопорное спокойствие банкирского сада. Аксель подпрыгнул в своём гамаке, как ошпаренный кот. И меня понесло:

– Что, вялишься, крыса тыловая? Небось болячки у себя ищешь? Начни с головы, не ошибёшься!

Откуда мне было знать, что я настолько близок к истине! И настолько же далёк... Аксель в бешенстве прыгнул на землю.

– Заткнись, ублюдок! Завидую тому русскому, который размажет тебя!

– Не родился ещё такой русский! За свою шкуру трясись, папенькин сынок!

Я злобно плюнул через ограду, норовя попасть ему на брюки. Потом дал по газам и снова щедро обдал его пылью. Вслед мне донеслось:

– Кретин! Что за день сегодня!

XV

... Дрезденский вокзал бурлил людьми. Пожалуй, ни разу он не видывал столько народу. Тёплый июньский ветерок трепал знамёна; самое солнце любовалось радостными лицами, цветами и флагами, нарядами дам... Точно парни эти отбывали не на фронт, а в отпуск. Только вместо чемоданов – солдатские вещмешки.

Но как потерянные, стояли в этой праздничной толпе супруги Дерингер. Не отрываясь, смотрели они на ефрейтора вермахта Акселя Дерингера. Невеста его Марта была, как всегда, восхитительна и хладнокровна. Держалась, как на светском рауте. Слишком хладнокровна, раздражённо отметил герр Дерингер.

Зато фрау Дерингер, всегда такая сдержанная, дала волю слезам. Вильгельм, сам сильно расстроенный, никак не мог её успокоить. Даже было неловко – кругом все смеялись и радовались... Герр Дерингер не спускал с Акселя глаз, – хотел насмотреться на него как следует, впрок. Дали свисток. Его сын Аксель занёс ногу в новеньком блестящем сапоге на подножку вагона. Марта критически оглядела своего жениха, стряхнула с его мундира невидимые пылинки и уронила что-то вроде:

– Может, дослужится хотя бы до обер-лейтенанта.

Вильгельм гневно сверкнул на неё глазами.

– Думай о том, чтобы он вернулся скорее! – отрезал глава семейства.

Но Марта не удостоила его даже взглядом. Будь на месте Марты какая другая, от неё осталась бы лишь горка пепла. Не такова была Железная Марта! Наконец она бросила старику Дерингеру короткий, презрительный взгляд:

– Долгие проводы – лишние слёзы. Не мучьте себя и сына.

Так, под аккомпанемент военных маршей и всхлипываний матери, ефрейтор Аксель Дерингер и его увесистый вещмешок поднялись в вагон в числе многих других новобранцев, и помчались на Ленинградский фронт, навстречу новым победам вермахта.

Аксель маячил в окне вагона, махал руками, чтобы уходили, да сам чуть не разревелся. Они хотели было уйти, но мать заупрямилась. Так они и смотрели друг на друга в тоске сквозь пыльные окна. Потом медленно поплыли вдаль – сначала Марта, потом – родители, перрон, Дрезден. А с ними – и мирная жизнь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

В Ленинграде тот день тоже выдался на удивление жарким. Город был выбелен солнцем. Возле фонтана яблоку негде было упасть. Давно в Ленинграде не было такой жары...

Скамейки у фонтана оккупировали «немцы» – выпускники факультета иностранных языков Ленинградского университета. Стоял страшный гвалт. Обсуждали, кто и как сдал или «завалил» сегодня «спец» – государственный выпускной экзамен.

Даже среди многочисленных «немцев» выделялась Галя Гурьянова – высокая, стройная, в лёгком белом платье, подчёркивающим её тонкую талию и длинные точёные ноги. Густые тёмные волосы были собраны в высокую причёску. Маленький, аккуратный, чуть вздёрнутый носик. Пухлые губки готовы улыбнуться. Её глубокие синие глаза смотрят ласково, но пронизательно. От них ничего не утаишь.

Такая женщина соперниц не знает.

Подтаявшее мороженое потекло по её пальчику, и Галя, не долго думая, слизала эту сладкую каплю. На это невозможно смотреть спокойно... Два парня неподалёку, разинув рты, наблюдая, едва не свалились в фонтан.

– Фонтан освежает! – заметила Галя.

И звонко расхохоталась. К ней энергично протискивался сквозь толпу Павел, всклокоченный интеллигент вроде Акселя. Только не тощий, – атлет. Когда он пробрался к ней, стало заметно, как он встревожен. Те двое ревниво его оглядели. Но Павел даже не заметил их враждебных взглядов.

– Привет! – выпалил Павел. – Как твой немецкий?

– Пять! – по-детски она вскинула растопыренную пятерню. – Как отличница, под распределение не попадаю, остаюсь в Ленинграде. Представляешь, как здорово! Вот бы теперь кандидатскую защитить! Ты как?

– Четыре. Да плевать на распределение! Скоро распределят!

Павел приник к её уху и зашептал:

– Вся Европа уже завоёвана!

Но мороженое в тот момент интересовало Галю явно больше Европы.

– Европа? Завоёвана? Кем? – рассеянно переспросила Галя.

– Тише! Немцы на них напали! Гитлер! Чую, пригодится тебе твой немецкий...

Галя заботливо поправила воротничок его рубашки.

– Опять капиталистов слушал? Паша, твоё радио когда-нибудь сведёт тебя с ума! Может, они и на нас нападут? «Немцы! Гитлер!».

Галя беспечно засмеялась, но взглянула на Павла и испуганно смолкла.

– Они Гейне в оригинале читают, – немного подумав, с упрёком напомнила она. Будто он был в этом виноват. – Разве они могут напасть? Тем более у нас с Германией договор. Эх, дорого бы я дала, чтобы поговорить с настоящим немцем... По-немецки!

– «Гейне»! «Договор»! – с досадой оборвал её Павел. – Скоро поговоришь! Немцы ужас сколько техники стянули к нашей границе!

– Паша, ты в своём уме? У меня и так забот полон рот. Мне осенью три старших класса дадут, а ты мне голову забиваешь какими-то бреднями! Лучше проводи меня домой. Меня тут, между прочим, чуть не украли!

Обернувшись, Галя задорно помахала товарищам:

– До завтра, други! Увидимся в ресторации!

Нестройно ответил весёлый хор. Галя гордо пояснила Павлу:

– Завтра отмечаем выпуск в «Метрополе». Как взрослые!

Павел, высунув язык и вытаращив глаза, соорудил ей смешную гримасу, и Галя снова расхохоталась. Её смех звенел, как серебряный колокольчик. Павел подал ей руку, и они чинно направились к остановке. Задрезжал, подъезжая, трамвай, и они по-детски припустили, взявшись за руки.

II

В родительском доме в тот вечер было всё как обычно – в просторной столовой лампа-солнце бросала на обеденный стол круг света. Большой жёлтый абажур. Тёмно-зелёные обои солидно поблёскивали золотыми вензелями. В углу – фикус в кадке. Кружевные занавески покачивал, баюкая, лёгкий ветерок... Паркет сиял не хуже дворцового, и пахло свежими булочками. Обычный летний вечер. Почти как в Дрездене.

После ужина Галя, её родители и восьмилетний брат Володя пили чай с мамиными булочками. Её отец, Иван Сергеевич, крупный представительный мужчина с седыми висками, отставил пустую чашку. В его огромной ручище она казалась невесомой... Мама Гали – Нина Антоновна, хрупкая белокурая женщина с кротким взглядом, тут же заботливо её наполнила. Она любила молчать – «из уважения к чужим ушам», по её выражению.

– Что, дочка, еще хорошего скажешь? – Иван Сергеевич не спеша прихлебнул чай. Он был невероятно горд своей дочерью. Галя подняла от чашки огромные синие глаза. На самом их дне плескалась тревога:

– Говорят, вся Европа завоёвана немцами. И на нас немцы скоро нападут.

– Какая же ты осведомлённая! – восхитился Иван Сергеевич и отставил чашку. – Так ты встречалась с графом Шуленбургом?! А я-то думал, ты сдавала немецкий в университете.

Галя, смутившись, слегка покраснела и опустила глаза. Отец наклонился и нежно погладил её ручку:

– Не бойся, дочка. У нас с Германией договор. Они не нападут.

– А что такое Шуленбург? – живо поинтересовался вихрастый озорник Володя. – Это едят?

Галя и отец заговорщически переглянулись.

– Да. Это огромная котлета.

Володя скорчил кислую мину. Он любил только конфеты...

– Но из конфет, – быстро добавила Галя с самым серьёзным видом.

– Вот это да! Котлета из конфет? Так бывает?! – Володя вытаращил глаза и изумился так комично, что они не выдержали и захохотали.

– Шуленбург – это большой немецкий начальник, – насмеявшись, сказал Иван Сергеевич. – Дипломат. С ним Галя сегодня и встречалась.

Галя важно кивнула, прихлёбывая чай. Володя с благоговением посмотрел на старшую сестру. И снова захохотали эти невозможные взрослые!

А потом Галя тщательно утюжила своё платье. Заказов у портнихи – хоть отбавляй, сезон выпускных. Все хотят принарядиться. Успела к двадцать второму июня! Платье получилось роскошным – «как в кино» – кратко, но правдиво оценил его Иван Сергеевич. Он всегда говорил только то, что действительно думал.

Бережно, расправив все до единой складочки, разложила она платье – и залюбовалась струящимися волнами шёлка. Сиреневый идёт брюнеткам... Завтра вся семья уедет на дачу, а она останется в городе. Впервые она одна, сама пойдёт в ресторан, да ещё такой роскошный! На выпускной бал. Вот это счастье!

По сверкающему паркету бесшумно метался котёнок. Рядом на полу сидел Володя. Он вынимал игрушку из коробки, внимательно её разглядывал, и оставлял на полу. Так все игрушки из коробки перекочевали на пол. Все оказались нужны на даче! Володя поднял голову.

– И котёнка я возьму на дачу! – Володя отобрал мячик у котёнка и со значением потряс им в воздухе. У отца научился, улыбнулась Галя. – Мячик этот – ему.

Мячик полетел в грудку игрушек на полу.

– Ещё чего! Только котёнка на даче не хватало! – нахмурилась Галя.

– Я сам буду ухаживать за ним! – возразил Володя.

– На даче его собаки порвут, – разъярила Галя. – Пусть котёнок останется дома, целее будет. Все игрушки забираешь? Куда тебе столько? Иди, помоги маме вещи уложить. Игрушки я беру на себя.

Володя, надув губы, исподлобья смотрел на Галю. Какой упрямец! Весь в отца. Улыбаясь, Галя потрепала Володю по волосам.

– Надулся, как пузырь! Смотри, не лопни!

Володя заулыбался и тут же забыл обиду. И это отцовская черта.

– Почему ты с нами не едешь? – он доверчиво прижался к сестре.

– У меня дела в городе.

– Какие дела?

– Государственной важности.

Володя аж рот раскрыл от изумления. Он смотрел на сестру снизу вверх, с неподдельным восхищением:

– Ух ты! С тем самым чемоданом?!

Галя, приснув от смеха, крепко обняла Володю, затеребила, зацеловала его вихрастую чёлку.

– С дипломатом! Бери выше! С генералом!

Володя вырывался и визжал – ужасно боялся щекотки!

Это был тёплый, радостный вечер. Их последний мирный вечер. Солнце медленно катилось в объятия горизонта. По другую сторону небес, на фоне яблочной вечерней зелени, резко темнели изящные дворцовые силуэты; глядя на них, Володя вспомнил о добром сказочнике Андерсене и сонно улыбнулся.

Умиротворённое, семейство Гурьяновых отошло ко сну. И каждому приснился только ему предназначенный сон. Кому – венский вальс в высокой зале, кому – пушистые котятки в лопухах.

Но для генерал-полковника, главнокомандующего сухопутными войсками вермахта, та ночь выдалась бессонной. В окружении своих заместителей навис он над картой. Воздух так сгустился от напряжения, что, казалось, подбрось фуражку – и она повиснет.

В небытие летели страшные, последние минуты.

Наконец генерал-полковник приподнял левый рукав своего безупречного кителя и взглянул на циферблат наручных часов. Они показывали три часа тридцать минут.

Люди, сидящие за столом, как по команде, зашевелились, задвигали стульями. Но не проронили при этом ни слова. Тягостное, благоговейное молчание зависло над ними, как гильотина.

Генерал-полковник медленно взял телефонную трубку и страшно медленно поднёс её к губам. Он твёрдо произнёс одно лишь слово. Короткое немецкое слово, породившее столько несчастий для всех нас:

– Дортмунд.

И в ту минуту город Брест превратился в ад.

Ш

Никто живой ада не видел, но, наверное, ад выглядит именно так. Огонь, кругом огонь... И даже из-под земли вырывалось пламя. Огонь лился с неба, как дождь. От него негде было укрыться.

Дома стены не помогали. Они похоронят тебя, если ты не убежишь. Но бежать тебе некуда, потому что снаружи тоже ад.

Непрерывно выли сирены. Шквальным огнём простреливались городские улицы, – носа не высунешь из дому, куда там добежать до казармы!

Там, за спиной, остались его любимые – жена и крохотная дочка. Они все спали, когда это началось... Артиллерия массированно обстреливала жилые кварталы. Целились, сволочи, в жилые дома и казармы! Гады, нелюди! И с неба сыпались бомбы, – рвались повсюду. И дома беспомощно, как карточные, складывались, погребая под собой людей вместе с их надеждами на спасение...

Ураганный огонь не выпускал из домов полуодетых людей. Вон он, вход в казарму. У порога лежали неподвижно три тела. Не дошли... И возле жилых домов уже лежали первые убитые. Дети и женщины. Они бежали от смерти, но оказалось – ей навстречу...

Уходя, он велел жене спрятаться в подвале. Ведь если попадёт бомба, дом не защитит, – только похоронит.

Надо идти к своим, в казарму. Стены домов рушились, поднимая клубы пыли, ничего не было видно. Со всех сторон раздавались крики, стоны и плач, раздирающие сердце. Куда бежать??? Всё рушилось на глазах.

Каким-то чудом он дополз до казармы. Даже не зацепило. Полуодетые солдаты уже разобрали с пирамиды винтовки и стояли шеренгой перед единственным уцелевшим из командного состава – лейтенантом Михайловым. В сущности, совсем ещё молодой. Немного старше его. Лет двадцать пять – не больше. Худощавый. Тонкая ниточка чёрных усов – явно для солидности. Но твёрдо смотрели стальные серые глаза. В них не было ни тени паники. И сразу стало спокойнее на душе. Путаные обрывки мыслей сложились в единую беспощадную: «Бей!!!»

– Командный состав почти весь уничтожен противником. Место условного сбора непрерывно обстреливается, – хладнокровно сообщил лейтенант Михайлов. Завидев его, рывкнул: – Балашов!

– Я! – шагнул он из строя.

– Винтовка есть? Патроны?

– Так точно, есть! – винтовку он, лучший снайпер части, старался держать при себе. У него была своя, снайперская. Пристреленная.

– Лейтенант Балашов, задача – уничтожить командный состав противника, выполнять.

– Есть!

– Наша задача – пробиться в цитадель и соединиться со взводом Гаврилова, – продолжал лейтенант Михайлов. – Выходим по одному! На пол! Все на пол!

Балашов привычно перезарядил винтовку, лёг на пол и пополз к выходу. Вместо окна в казарме – дыра, как рваная рана. Бойцы выползали поодиночке на улицу. И Балашов растворился в смертоносных облаках пыли.

...Сквозь оптический прицел он близко, как собеседника, увидел лицо немецкого офицера. Каждую морщинку возле его глаз разглядел. Высокая чёрная фуражка с серебром, щеголеватая шинель. Морда гладковыбритая, но озабоченная. Неподальёку на брёвнах курит мрачная солдатня. Что, не ожидали? Думали, караваем вас встретим? Шиш вам!

Глаза серые, беспокойно бегают. Что-то коротко приказал подбежавшему вестовому. Тот козырнул и опрометью убежал. К нему подошли ещё двое таких же, с озабоченными мордами и в высоких фуражках. Они оживлённо о чём-то заговорили. Дождася! Снять бы вас всех одним выстрелом, чтобы пули не тратить. Встаньте кучнее, улыбочку. Сейчас вылетит птичка. Вот так, хорошо. Задержать дыхание, не дёргаться. Ошибаться нельзя! Раз. Два. Три.

Три фуражки покатались по вытоптанной траве в разные стороны. Солдаты, как зайцы, попрыгали с насиженных брёвен – кто куда. Злорадная улыбка заиграла на его лице. Ешьте с булочкой, твари! Пощушаем и мы ваш командный состав!

Он удовлетворённо откинулся к стене, перевёл сбившееся дыхание, передёрнул затвор винтовки. Огляделся. Чердак жилого дома. Его дома. Какое счастье, что в него не попала бомба! Но для него это теперь ненадёжное место. Оставаться здесь нельзя – вычислят. Надо уходить. А Люба и Лизонька? Они успели спуститься в подвал?

Он зачем-то поднял голову и увидел толстые деревянные балки. На них блестела паутина. Как в этом кровавом месиве уцелела тончайшая паутина, удивился он краем сознания. И, подхватив два полных патронташа, точно провалился в пол – там есть люк и шаткая лестница, ведущая вниз. Он-то знает. Ведь это его дом.

Его шаги дробно застучали по родным ступеням. Ещё вчера он был так счастлив здесь... Он замер, напряжённо вслушиваясь в тишину. Показалось? Подкрался к двери, обитой чёрным дерматином, и решительно толкнул. Дверь подалась. Не заперто. Это хорошо или плохо?

...Окно комнаты было выбито: разбитая оконная рама лежала на полу, нелепо занимая собой почти всю комнату. Комната, и покрывало с маками, купленное вчера (наконец-то! – сказала жена Люба), были сплошь засыпаны битым стеклом. Всё остальное – на своих местах. Как вчера.

А на полу, на битом стекле, у детской кроватки лежали, обнявшись, двое самых любимых людей на свете. Не успели... Люба миниатюрной ладошкой навеки закрыла личико Лизы. В Любиных глазах замер ужас – навеки. А в золотых кудряшках малышки Лизы, зацелованных им накануне вечером, запеклась кровь. Много крови...

Его губы сами собой скривились, и исчезло, уплыло всё – и комната, и покрывало в маках, и двое дорогих ему людей. Всё слилось в одно тёмное, страшное пятно. В цель.

Раздавшийся снаружи, с лестничной площадки, резкий стук шагов заставил его вздрогнуть. По щекам скатились две слезы. Оглядывался по сторонам уже другой человек – тот, кому нечего терять. И некого. Потеряно всё, – остался только враг. Его надо уничтожить. Убивать буду расчётливо. Чтобы навечно истребить.

Он рванул покрывало в красных маках, всхлипнул, накрыл любимых. Замер, прислушиваясь. Тихо.

В дикой, звериной тоске он оглядел свою комнату в последний раз. Она больше не отпустит его, эта тоска. Только смерть сильнее неё.

IV

Брест мы моментально превратили в руины.

Мы расположились на окраине Бреста на обломках плит, вокруг костра, было нас человек двадцать. Все молчали, пребывая в каком-то странном оцепенении. Состояние было подавленное. Мы не чувствовали себя победителями, хотя Брест был почти наш.

Мрачно, не отрываясь, смотрели мы в огонь. Ни веселья, ни смеха. В Бресте шутки кончились. Вкусно дымила полевая кухня.

Мы с Дитрихом отошли и уселись чуть поодаль, на бревно. Не люблю сидеть на камнях. Дитрих писал что-то веточкой в пыли. Какие-то дурацкие формулы выводил. Зачем я сюда поехал? Кретин...

У костра сержант Хуго Дрешлер играл на скрипке что-то на редкость заунывное. И так противно, ещё этот скрипач тоски нагоняет. Но никто не шевелился, все сидели, как загипнотизированные. Я опомнился первым и рявкнул:

– Хуго, заткнись!

Скрипка покорно смолкла. И тут все оживились, загалдели, дескать, и так тошно, а ещё ты тут... И зачем я поехал... Хуго скрипку притащил на войну, – тоже кретин. Кто мотоцикл тащит, кто – скрипку... Но играет хорошо, не подкопаешься.

– Моцарт тоже из Австрии, – неожиданно выдал Дитрих.

– И что?

– Хуго исполнял «Реквием» Моцарта – терпеливо разъяснил мне Дитрих. – Моцарт – из Австрии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.